

Вера Штольц
9-10

СТЕПА НАДОМНИКОВ ГОД ПРОЛЕТЕЛ НЕЗАМЕТНО

Женский
роман-сериал

Картавцев Владислав
Трофимова Ольга

ВЕРА ШТОЛЬЦ
А НА ВОЛЕ – ВЫБОРНЫЙ СЕЗОН

Серия 9-10

18+

Вера Штольц. Женский роман-сериал

Владислав Картавцев

**Степа Надомников. Жизнь
на чужбине. Год пролетел
незаметно. Вера Штольц.
А на воле – выборный
сезон. Серия 9–10 (сборник)**

«Accent Graphics communications»

2017

Картавцев В.

Степа Надомников. Жизнь на чужбине. Год пролетел незаметно.
Вера Штольц. А на воле – выборный сезон. Серия 9–10
(сборник) / В. Картавцев — «Accent Graphics communications»,
2017 — (Вера Штольц. Женский роман-сериал)

ISBN 978-1-38-633218-3

Жизнь у всех разная, как ни крути. Кто-то страдает от переедания омаров, а кто-то – от невозможности сходить в захудалый театр по причине отсутствия денег. У наших героев все хорошо. Почти хорошо. Можно сказать, нормально. Сносно. Так себе. Бывает лучше. Хуже и быть не может. И снова нормально, переходящее в превосходно. И в любом случае не скучно, а очень даже живенько. Советуем почитать.

ISBN 978-1-38-633218-3

© Картавцев В., 2017

© Accent Graphics
communications, 2017

Содержание

Степа Надомников. Жизнь на чужбине. Год пролетел незаметно	5
Глава первая. Калифорния, и что ей предшествовало	5
Глава вторая. «На вилле и в море»	13
Глава третья. В один из дней	20
Глава четвертая. Почти как при коммунизме – всякому по потребностям	31
Глава пятая. Соло одного инструмента	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владислав Картавец, Ольга Трофимова Степа Надомников. Жизнь на чужбине. Год пролетел незаметно. Вера Штольц. А на воле – выборный сезон

Степа Надомников. Жизнь на чужбине. Год пролетел незаметно

Глава первая. Калифорния, и что ей предшествовало

Есть такая шутка: «А сейчас мы расскажем вам о том, чего вы не знали – и к тому же забыли спросить». Так вот, некоторые из наших сограждан (правда, таких совсем немного) ничего не знают о Калифорнии, никогда о ней не слышали, да и плевать на нее хотели. А вот и зря, потому что о Калифорнии – хоть что-то, но знать нужно. В обязательном порядке!

Калифорния – это отдельная страна. Жаркая, зеленая, немного сказочная. Здесь все по-другому. Попадая сюда, словно оказываешься в другом мире – на другой планете. Особенно, если прибыл из Сибири или, например, прямо из солнечного Магадана. Жителям Магадана в Калифорнии, мы уверены, непривычно весьма.

Начнем с того, что Калифорния полна людьми. В прямом смысле слова – плотность населения просто сумасшедшая!

Калифорния занимает первое место по количеству жителей среди штатов США. Здесь ежедневно толкуются почти сорок миллионов американцев – и это без приезжих, которых вообще никто никогда не считал.

Если бы Калифорния была отдельным государством, она бы занимала тридцать четвертое место в мире по численности населения, и по этому показателю ей было бы уготовано достойное место среди членов ООН. Эдакий крепкий середняк!

Округ Лос-Анджелес (самый населенный среди всех округов США) может похвастаться десятью миллионами резидентов – и в США из пятидесяти одного штата в сорока двух проживает меньше людей.

Крупнейшие города Калифорнии:

Лос-Анджелес – примерное, 4 000 000 жителей (как наш Санкт-Петербург),

Сан-Диего – примерное, 1 300 000 жителей (Самара),

Сан-Хосе – примерное, 1 000 000 жителей (Челябинск),

Сан-Франциско – примерное, 800 000 жителей (Краснодар),

Фресно – примерное, 500 000 жителей (Тула),

В столице штата, городе Сакраменто, живут 470 000 человек, что примерное на сто шестьдесят тысяч больше, чем в областном Смоленске.

Особенностью Калифорнии является наличие больших городских агломераций, которые образовались вокруг крупных городов. В таких агломерациях проживает примерное семьдесят пять процентов населения штата, и жители имеют возможность пользоваться всеми преимуществами городской жизни – и одновременно избавлены от типичных городских проблем: автомобильных пробок, шума, загазованности и т. д.

Семьдесят пять процентов – это, конечно, показатель. Три четверти от целого – подавляющее большинство, ориентированное на комфорт. И гонящееся за комфортом – насколько позволяют деньги.

Утверждение, что именно Калифорния является самым богатым и обеспеченным штатом США, в корне верно. Ведь именно здесь – любимая территория проживания местных и залетных миллионеров, мультимиллионеров и миллиардеров. И даже мультимиллиардеров, которых в последнее время развелось, как собак нерезаных.

В Калифорнии роскошь и достаток заметны везде. Заметны на городских улицах, на городских пляжах, на городских остановках городского же транспорта. И даже на лицах (оскаленных мордах) городских нищих, которые, конечно, гордятся тем, что живут не абы в каком Нью-Йорке (или в Магадане), а в целом Лос-Анджелесе – или на крайний случай в Сакраменто. Впрочем, нищие – это отдельная тема для изучения, мы их касаться не намерены, а лучше сосредоточимся на богатых и узнаваемых. Они – отдельная каста, всегда порождающая в людях интерес, и здесь мы – не исключение.

Как известно, богатые делятся на две принципиально разные категории. Первая – *self made women* или *men*. Т. е. дамы и господа, у которых первоначально не было за душой ни гроша, но к середине жизни (или к ее концу, началу, второй половине, первой половине – нужное подчеркнуть) они добились столь весомых результатов в построении карьеры, что теперь им завидуют многие, если не сказать – почти все.

К этой категории относятся голливудские звезды, поп- и рок-идолы, олимпийские чемпионы, раскрученные художники и литераторы, ученые с мировым именем или удачливые спекулянты недвижимостью (или еще более удачливые спекулянты на фондовой бирже, которые в свое время сделали ставку на компьютерные технологии и не прогадали).

И если о спекулянтах широкой публике почти ничего не известно, то о звездах киноиндустрии знают все. Они живут напоказ, демонстрируют свой жизненный успех, свое благосостояние и, конечно, покупают дома (виллы, *бунгало*, колхозные дворiki) не где-нибудь, а в Калифорнии – это престижно, это круто и очень, очень, очень, очень дорого!

Например (здесь список):

Голди Хоун и Курт Рассел – шикарный дом в Пасифик-Пэлисайде и дом на пляже в Малибу, Николас Кейдж – дома в Сан-Франциско и в Лос-Анджелесе.

Мадонна – особняк в стиле «французского кантри» в Беверли-Хиллз. Кстати, вы знаете, что такое «французское кантри»? Если нет (или не уверены, что знаете), рассказываем: французский стиль кантри в интерьере – по-другому называется «Прованс», в переводе – «провинция».

Свое название стиль «Прованс» получил в честь региона на юге Франции-Прованса. Сей регион славится чудесными, живописными пейзажами, великолепной кухней с использованием пряных специй, чудным синим морем и ярким палящим солнцем. А стиль, названный в его честь, привлекает прежде всего своей простотой и очарованием старины. Вот и особняк Мадонны тоже – привлекает своей показной (но дорожкой!) простотой и очарованием старины.

Но идем дальше по списку.

Джастин Бибер (это такой модный певец) – особняк в городе Калабасас (Это все Калифорния, а не какая-нибудь тенистая и прохладная Магаданская область или Республика Саха), Рианна (певица, тоже модная) – особняк в стиле модерн в пригороде Лос-Анджелеса. И сразу походя вопрос – зачем ей стиль «модерн»? Это так вычурно и так помпезно – как у древнего надутого феодала, случайно переместившегося из своих средних веков в век девятнадцатый! Во дворце, исполненном именно в таком стиле, проживал в свое время германский кайзер Вильгельм II, и все мы помним, чем это закончилось. Делаем вывод – у искомой Рианны нет

никакого вкуса, и дикое бабло, свалившееся случайно с неба, на пользу ей не идет и фантазии не добавляет. Ну, и ладно.

Кэти Перри (певица в свое время модная, но о которой уже начали подзабывать) – особняк на Голливудском бульваре в Лос-Анджелесе,

Леонардо Ди Каприо – известный актер, недавно получивший-таки свой первый «Оскар» – особняк в Малибу,

Эштон Кэтчер (снова Голливуд) – особняк в Лос-Анджелесе,

Дженнифер Энистон (и эта оттуда, из Голливуда, и зарабатывает на съемках в сериалах немыслимые деньги) – особняк в районе Бел Эйр Лос-Анджелеса,

Жизель Бундхен (бразильская модель, бывшая подружка оскароносного Ди Каприо) – особняк в Лос-Анджелесе,

Кристен Стюарт (всем известная неулыбчивая старлетка из «Сумерек») – дом в Лос-Анджелесе.

Мы остановились только на некоторых фамилиях, которые известны всем подряд, если, конечно, эти «все подряд» – не аборигены страшной Папуасии и не крестьяне тропической Африки, которые телевизор никогда не смотрели.

Каждый, имеющий соответственный достаток, хотел бы жить в Калифорнии. Потому что синонимы Калифорнии – «тропический рай», «Голливуд», «пляжи да пальмы» и «тепло круглый год». Впрочем, тепло – не показатель, мало ли такого добра в Америке! А вот возможность выпянуть впалую (или накачанную гантелями) грудь и сказать, что имеешь виллу по соседству с Биллом Гейтсом – это в определенных кругах дорогого стоит.

И, конечно, Калифорния держится не на одних Гейтсах (не на Баффетах, Ротшильдах и Рокфеллерах). А держится на массовой «намоленности» этого уголка земли, где, считается, каждый может приобщиться к настоящей американской легенде (той самой «California Dreaming»), побывать на настоящей актерской тусовке и закрутить роман с какой-нибудь симпатичной мулаткой, которая, как после окажется, имеет непосредственное отношение к Голливуду, Бродвею или к гонкам «Формулы один». Или имеет отношение к Лас-Вегасу, что тут недалеко – по соседству, в штате Невада.

* * *

Представьте, Вы – сумасшедше богатый человек. Настолько богатый, что для Вас определение: «денег – куры не клюют!», звучит просто абсурдно – никакая ферма, никакой сельскохозяйственный комплекс не способен вырастить столько курятины, чтобы она склевала Ваши деньги. К Вам, наверное, можно применить: «Денег – как грязи!», «Денег – адская прорва!» и «Денег – на шестнадцать тысяч заграничных поездок с девочками и цыганским хутором в придачу».

Представили? Очень хорошо. Следующий шаг – вы сидите в Питере, у вас в семье – единственный наследник, и Вы решили определить его на учебу – так, чтобы не сильно устал, получил железобетонные корочки (такие, что признаются во всем мире), и чтобы чувствовал себя человеком! Т. е. личностью, глядя на которую каждый скажет: «Уважуха тебе, братан! Уважуха!». И да – учеба наследника должна «иметь прописку» обязательно либо в США, либо в Англии, поскольку только там имеются (по Вашему олигархическому представлению) нормальные учебные заведения.

Итак, США или Англия? Арсений Петрович довольно долго раздумывал по этому поводу, взвешивая все «за» и «против». Англия – престижно и близко от родного дома (всего-то три с хвостиком часа лёта от Питера). США – значительно дальше, но там теплее, свободнее, и к тому же сейчас именно США (и никакая другая страна) – центр мира! Общемировая метрополия, и игнорировать этот факт с точки зрения Арсения Петровича было глупо.

США разнообразны, Англия – однообразна. В США – отличный мягкий климат и множество райских уголков, Англия – унылая скала в океане, страдающая перенаселенностью и алкоголизмом населения. И даже если просто взять показатель площади, выяснится: площадь Калифорнии (всего лишь одного из американских штатов) – четыреста одиннадцать тысяч квадратных километров, а всей Британии – двести сорок четыре тысячи квадратных километров. А Англии и того меньше – всего сто тридцать три тысячи.

И, кстати, по этому показателю она (Англия) вполне сопоставима с Ленинградской областью (83 908 кв. км), и ехать туда – то же самое, что закапсулировать себя в родном регионе, только увеличив его население раз в тридцать. Ну, и какая от этого радость?

«Короче – только США, только тамошние просторы (которые, конечно, меньше российских, но тоже впечатляют), только ковбои, только гамбургеры и Кока-кола! Ну, или пепси – если кока приелась», – после того, как Арсений Петрович определился с выбором страны, куда Степан поедет учиться, оставалось совсем немного – конкретизировать выбор. Т. е. понять, где именно в Америке наследнику будет хорошо и комфортно.

Нью-Йорк и Вашингтон были отмечены сразу же, как города недостаточно теплые и к тому же бардачные. Аризона, Нью-Мексика, Техас, Луизиана, Алабама пролетели мимо, как сильно жаркие и слишком загаженные латиносами. А про Аляску даже и говорить не стоит.

Центральные американские штаты Арсений Петрович отбраковал по причине отсутствия выхода к океану. Океан – без него Степан вряд ли смог бы почувствовать себя полноценной личностью – поэтому выбор в итоге свелся либо к восточному, либо к западному побережью. И здесь свое веское слово сказала Галина Французовна. Она авторитетно заявила, что не понимает метаний Арсения Петровича, так как лично для нее ничего не может быть круче запада США – Калифорнии и Голливуда.

И, конечно, Надомникову-старшему оставалось только согласиться с мнением супруги. И мы не будем его за это осуждать, потому что – а попробовали бы вы сами оказаться на его месте и что-либо возразить!

В общем и целом, задача территориального размещения Степана решилась – полдела, считай, было сделано. Оставалась еще половинка – состоящая из двух четвертинок.

Первая четвертинка – выбрать приличную бизнес-школу или достойный университет. Вторая – подыскать рядом удобную для проживания виллу, отстоящую от альма-матер не сильно далеко. И Арсений Петрович ринулся в бой.

Поначалу ему сильно приглянулся Стэнфорд. Стэнфорд – это имя, при упоминании которого у многих от зависти начинают подергиваться многие части тела. И многие так сильно желали бы там учиться, что, не задумываясь, отдали бы все имеющееся у них на балансе добро! Но вот незадача – их в Стэнфорд не берут, и даже за ограду забора не пускают.

Прицениваясь к Стэнфорду, Арсений Петрович сделал парочку телефонных звонков нужным людям – от них требовалось срочно прибыть и срочно проконсультировать его на предмет: «А как там вообще?». После двух довольно долгих консультаций выяснилось, что «вообще» там вполне себе на уровне, но некоторые нюансы не позволяют думать, что Степану в Стэнфорде будет хорошо.

Во-первых, университет расположен обособленно, это – келейная, почти семейная лавочка американского истеблишмента, и устроена она по типу лагеря бойскаутов. Конечно, вместо палаток там учебные и жилые корпуса, бассейны и стадионы, но здесь важен именно принцип. А принцип Стэнфорда заключается в следующем: «Папы и мамы отдают повзрослевших бестолочей на воспитание в нужные руки (в лагерь скаутов) – чтобы и жизни понюхали, и достойные корочки и связи заполучили!»

Во-вторых (что следует из первого), в семейном деле иностранцы редко приживаются, и можно смело предполагать, что Степан, оказавшись он в Стэнфорде, вряд ли смог бы тесно сойтись с американцами. Будь искомые американцы простыми парнями, у него бы получилось,

но поскольку все они – выходцы из богатых и влиятельных семей, они, наверняка, станут воспринимать Степана как залетную белую папуасскую ворону. А это уже не нравится Арсению Петровичу.

В-третьих – Стэнфорд, как известно, полностью находится под колпаком ЦРУ. От этой конторы ожидать можно всякого – начиная от простейших провокаций и заканчивая весомых подстав, от которых потом очень тяжело оправиться.

Существовали еще и «в-четвертых», и «в-пятых», и «в-шестых» – но их (после первых трех доводов против Стэнфорда) можно было уже не рассматривать.

Арсений Петрович пару денёчков погрузился (все-таки визуальная картинка из Стэнфорда была очень сладенькой и завлекающей, и отказаться от нее было не так легко), но потом пересилил себя и сосредоточился на альтернативных учебных заведениях. В конце концов, на Стэнфорде свет клином не сошелся. И, кстати, университет расположен почти в пустыне (в местном варианте лесостепной зоны) – в округе Санта-Клара на Севере Калифорнии далеко от океана. Так что и делать там нечего!

Но если не Стэнфорд, тогда что? И вообще, зачем лазить непонятно по каким дебрям в поисках ВУЗа – лучше сразу сосредоточиться на крупнейшем городе штата, потому что где крупно – там и круто!

– Где крупно, там и круто! – Арсений Петрович с удовольствием несколько раз повторил свою литературную находку вслух и горделиво выпрямился. Его вдруг посетила мысль, что он – олигарх с положением – без сомнения, мог бы при случае блеснуть мастерством басенника (а ля Крылов или Лафонтен) или, на худой конец, народного песенника – типа, барда.

По долинам и по взгорьям
Шла бригада за баблом,
Чтобы с бою взять Приморье –
И затариться китайским барахлом!
Чтобы с бою взять Приморье –
И затариться китайским барахлом!

Наливались знамена
Долларовым зеленым светом,
Шли лихие эскадроны
За дешевым вторцветметом!
Шли лихие эскадроны
За дешевым вторцветметом!

Этих лет не смолкнет слава,
Не померкнет и в веках –
Партизанские отряды
Поднялись на ништяках!
Партизанские отряды
Поднялись на ништяках!

И останутся недюжно,
Как манящие огни,
Штурмовые ночи «Лужи»,
И черкизовские дни!
Штурмовые ночи «Лужи»,
И черкизовские дни!

Разгромили спекулянтов,
Разогнали мы лохов,
И на банках, и на фондах
Почиваем будь здоров!
И на банках, и на фондах
Почиваем будь здоров!

Арсений Петрович сильно помотал головой – слова нового олигархического хита плыли перед глазами и требовали немедленной записи на бумагу. Упускать такой шанс было бы преступлением, и Надомников-старший быстро сел за компьютер, открыл Word и настучал полувившуюся забойную песню в отдельный файл. Придет время, и он обязательно снимет клип со своим участием.

В клипе Арсений Петрович совершенно точно предстанет в роли командира партизанского отряда – в бурке, стилизованной под большой зеленый доллар. У командира в отблеске солнечных лучей знатно блестит шашка, а сытый конь – верный помощник и друг – просится, рвется в атаку за очередными нефтегазовыми активами, которые нужно быстро отжать у конкурентов.

– А клип я назову в честь себя! «Эпос Надомникова»! – Арсений Петрович мысленно пробежался по известным ему названиям клипов и уверился в мысли, что «Эпос» – вполне эпично и соответствует моменту.

– Ну и хватит отвлечений, пора сосредоточиться на деле! – Арсений Петрович закрыл Word и принялся шерстить Интернет в поисках альтернативы Стэнфорду. Коль скоро надутый пафосный университет окончательно пролетел, вариантов, собственно, не оставалось почти никаких – либо Лос-Анджелес, либо Сан-Франциско.

– Сан-Франциско не катит! – Надомников-старший решительно рубанул рукой воздух. – Даже самый необразованный валенок из числа соотечественников знает, что этот город – признанная мировая столица секс-меньшинств. Почти как Амстердам в Европе, только с американским душком. И если кто-нибудь пронюхает, что я специально отправил сына в Сан-Франциско, проблем не оберешься! Сразу пойдут слухи, что со Степаном – что-то не так, что он переметнулся на голубую сторону – и тому подобный бред. Бред – он и есть бред, но и на него в нашем положении нужно обращать внимание! Чтобы не сесть в лужу. Значит, остается Лос-Анджелес.

– Лос-Анджелес! – от напряжения на лбу Арсения Петровича вздулась жилка, и он, чтобы расслабиться, плеснул в свой любимый толстенький бокал немного виски. – Как известно, в Лос-Анджелесе (как и в Африке), есть все – за исключением снега с сопутствующей грязью от разлитых на тротуарах химикатов, ёлок, сосен, зайцев и медведей. И бизнес-школ высокого уровня должно быть с избытком.

Так и оказалось – и не просто с избытком, но столь много, что Арсений Петрович даже растерялся: бизнес-школы всех мастей интенсивно сыпали рекламой со страниц Интернета, и у него в итоге даже разболелась голова – от невозможности сделать правильный и окончательный выбор.

Чего только не предлагалось: разные программы разной временной продолжительности, разные дипломы и сертификаты, разные условия проживания и обучения, разная степень вовлеченности в управленческий процесс, индивидуальные, персональные, общие занятия, смешанные и однополые группы – в общем, имелись предложения, отвечающие любым запросам.

– И они думают, что это хорошо? – Арсений Петрович в сердцах чуть не плюнул в монитор. – Типа, две тысячи пятьсот сортов колбасы лучше, чем всего два! Вот уж фигу вам. Из

двух сортов гораздо проще выбрать, и мозги ломать не придется. А попробуй реши, когда вот так давят авторитетом, попробуй учти все варианты, и чтобы гарантированно не прогадать! Здесь никакой Копперфильд не поможет. В общем, как и в случае со Стэнфордом, мне нужен дельный совет. Только в этот раз – совет уже не экспертов, а рыбы покрупнее.

Арсений Петрович взял телефон и набрал номер одного из своих закадычных друзей-банкиров по фамилии Булочников. Недавно сын Булочникова вернулся домой после учебы именно из Калифорнии и, насколько знал Арсений Петрович, восторгам сына не было предела: «Там так все круто, ах, у-ах, ай-мамо, ой-вэй!»

В итоге Арсений Петрович договорился с Булочниковым о приватной встрече, а заодно и попросил прибыть на встречу вместе с сыном. Рандеву состоялось на следующий день и вылилось фактически в солидный бенефис Икара (сына Булочникова), который несколько часов описывал Надомникову-старшему прелести, тонкости и нюансы обучения в Калифорнии. В итоге доводы Икара возымели действие – Арсений Петрович кивал, соглашался, причмокивал губами и даже лучезарно улыбался и шутил – что с его стороны было верхом одобрения.

Встреча с Булочниковыми завершилась, окрыленный Арсений Петрович вернулся в свой дворец и слету сообщил домочадцам (Галине Французовне), что выбор сделан – бизнес-школа в University of California самое оно. Глава олигархической империи при этом выглядел весьма довольным собой – и единственное, что немного смущало Арсения Петровича, это дешевизна обучения по сравнению с тем же Стэнфордом. Но ничего!

Зато сэкономленные деньги можно потратить на съем достойного жилья – виллы (или крутого частного дома) с прислугой и охраной. И, кстати, в гости к сыну можно будет спокойно приезжать и устраиваться с комфортом – и даже номера в отелях и гостиницах снимать не придется.

* * *

Арсений Петрович отдал необходимые распоряжения – команда адвокатов и юристов приняла указания и подключилась к работе. Факт отправки Степана на учебу за океан стал окончательно необратимым. Следовательно, пришло время сообщить и самому наследнику, что его ждет в ближайшем будущем.

В один из вечеров (по странному стечению обстоятельств, именно в тот вечер Степан собирался серьезно поговорить с отцом о Вере) они сидели в рабочем кабинете Арсения Петровича и пили чай. Разговор шел и о том, и об этом, и Степан уже даже выдохнул, чтобы перейти собственно к основной теме, но отец его опередил.

– А у меня для тебя сюрприз! – Надомников-старший открыл дверцу дубового лакированного секретера и достал оттуда конверт с кучей почтовых печатей на английском языке. – Открой и ознакомься!

– Что это? – Степан подозрительно принял конверт, а когда начал читать – у него буквально глаза полезли на лоб от удивления. – Ты меня что, отправляешь на учебу?

– Ну да! – Арсений Петрович просиял. – Лично выбирал для тебя лучшую бизнес-школу, район проживания и виллу! Прочитай, где ты будешь жить два следующих года!

Нет ничего типичного в этом закрытом особняке, находящемся в одном из самых эксклюзивных районов Лос-Анджелеса с панорамным видом на океан. Теплый архитектурный дизайн с использованием камня и древесины, с гармонично вписанным ландшафтом и современными удобствами: раздвижные стеклянные стены, отопление солнечными батареями. Природный камень, использованный в отделке фасада виллы, создает ощущение, что находишься высоко в горах. И это только начало.

Насладитесь тишиной и уютом, находясь на собственном частном патио, или помедитируйте в живописном саду, которым окружена вилла. Воспользуйтесь собственным бассейном длиной 15 метров.

Обратите внимание на дизайнерские ваннные комнаты в доме. Из спальни открывается чудесный вид на настоящий оазис с пальмами и финиковыми деревьями, залы и гостиные отделаны мрамором, в наличии имеются внутренние каминь, гараж на две машины и вышколаенная прислуга, которая готова исполнить любые ваши причуды!

Степан отложил красочный буклет в сторону. Его губы немного подрагивали, а голос срывался:

– Папа, все это, конечно, здорово, но я же не могу вот так все взять и бросить! У меня ведь и бизнес, и личная жизнь. Я только, можно сказать, начал получать от нее удовольствие. Да и зачем мне нужна эта дополнительная учеба?

– Зачем, зачем? – улыбка на лице Арсения Петровича слегка померкла. – Тому есть несколько причин. Во-первых, человек должен учиться всю свою жизнь, иначе он деградирует. Надеюсь, ты это понимаешь. Во-вторых, ты – не обычный юноша, не обычный смерд, ты – единственный наследник целой империи! И рано или поздно тебе придется ею управлять. И управлять так, чтобы не стыдно было посмотреть в глаза многочисленным потомкам. А как ты собираешься это делать без соответствующего образования?

Арсений Петрович возбужденно потер ладони, подпрыгнул и пробежался из одного угла кабинета до другого.

– И в-третьих! Вот, представь себе – меня вдруг не стало. На тебя сваливается огромная корпорация, множество фондов, множество офисов, множество мутных финансовых и экономических схем – и всем этим нужно управлять. А ты? Где твои знания? Ну, допустим, юридическое образование ты, считай, уже получил. Но ведь экономика и деньги – это совсем другое. Чтобы понимать, где тебя пытаются развести и нагнуть, ты должен блестяще владеть соответствующим аппаратом, ты не согласен?

Арсений Петрович пристально посмотрел на сына, и Степану (хочешь – не хочешь) пришлось утвердительно кивнуть.

– Отучишься два года, это не проблема, и это не такой длинный срок, чтобы воспринимать его, как конец жизни и конец всех отношений! Получишь правильные корки, а я тем временем подсуежусь насчет диссертаций – кандидатской и докторской. Кстати, возможность получения докторской степени прямо в Америке я тоже рассматриваю. Ну, а потом (после возвращения и имея за плечами солидный багаж знаний) тебе предстоит заняться серьезными делами. Я планирую с головой (и без всяких отлыниваний) погрузить тебя в семейный бизнес и вывести на прямые контакты с самыми крутыми людьми, с какими имею возможность общаться. И поверь мне, здесь образование очень пригодится! Вникаешь?

Степан снова кивнул.

– Что ты машешь головой, как оловянный болванчик? Скажи хоть что-нибудь!

– А что? – голос Степана звучал безжизненно и тускло.

– Ну, например, скажи: «Спасибо, папа, за такую чудесную возможность потратить миллион долларов на мое обучение и проживание на калифорнийском курорте!», – голос Арсения Петровича был наполнен ехидством вперемешку с горечью (он так старается ради сына, а этот бестолочь все воспринимает в штыки!). – И не изображай из себя жертву аборта или жертву сексуального насилия! А прими как посыл к действию! Как я сказал, так и будет!

Арсений Петрович решительно рубанул рукой воздух, всем своим видом изображая непреклонность. И да, он был прав – так и было.

Глава вторая. «На вилле и в море»

Если вам кажется, что дом какого-нибудь миллионера с Рублевки, который вы случайно разглядели за высоким забором, проезжая мимо на машине, является чем-то особенным и достойным восхищения, значит, вы не видели нормальных домов. Да, да – все познается в сравнении. Конечно, после хрущовки-однушки где-нибудь на окраине столицы дом на Рублевке – предел мечтаний, сценарий самых счастливых снов и полный эксклюзив.

В то же время наши миллионеры и их недвижимость заметно тускнеют по сравнению с какими-нибудь арабскими шейхами из Кувейта, ОАЭ или Бахрейна. И дело здесь не только в том (или не совсем в том), что у последних больше денежных знаков. Просто нашим богатым приходится жить в климате совершенно другом, нежели остальным счастливицам с туго набитой мошной.

Именно так – ну, не растут у нас в России ни пальмы, ни ананасы (отдельный и очень славный город Сочи в счет не берем). А море около порога если и бывает, то только холодное, очень холодное – ну, пусть (за редким исключением) пару-тройку месяцев теплое.

Еще ни одному нашему миллионеру не удавалось создать на своей территории открытый круглогодичный природный оазис дольче виты – ведь бассейны только под крышей, тропические растения – в оранжереях, и красотки в купальниках не желают купаться в ближайшем пруду, предварительно отогнав от берега лед. Как их ни упрашивай, а не желают!

А как было бы круто! С утра проснулся, потянулся, надел пижаму на голое томное тело и вышел к океану с голубой прозрачной водой до самого горизонта – можно лениво расположиться в шезлонге, съесть персональный тропический фрукт и позагорать под таким же персональным эксклюзивным солнышком!

Конечно, и у нас в стране есть олигархические (императорские, графские, княжеские) дворцы, достойные называться дворцами. И расположены они в местах не таких холодных, как остальная территория государства. Не в Питере и не в Москве – и не на Колыме. К примеру, Воронцовский дворец в Крыму.

Двести лет назад будущий владелец дворца долго думал, выбирал место и дизайн, интерьеры и обивку, мебель и работников с руками. Чтоб не напортачили, не испортили дорогий отделочный материал, и чтоб строительство дворца спорилось и фонтанировало энтузиазмом.

Граф все продумал и вложился как следует – не поскупившись. Но самое главное – место было выбрано просто волшебное. Здесь наличествовало все: и великолепные пейзажи с горами и облаками на горных вершинах, и диковинные растения, и безбрежная морская даль, по которой (в то время) стадами скользили чудесные парусники с белоснежными парусами.

А ведь граф мог бы и не оригинальничать – построил дворец поближе к императору где-нибудь в питерской болотистой местности и был бы всегда при дворе, чинах, регалиях и деньгах. Что ему Крым девятнадцатого века? Там и балов-то приличных отродясь не видывали, а уж про золоченые кареты даже никто и не знал. Но нет, граф уперся, и нынче мы вправе сослаться на него, как на признанного авторитета по отечественному тропическому строительству – одному из немногих.

Но, безусловно, вышеупомянутый дворец – исключение, подтверждающее общее правило. Против российской природы не попрешь, российская природа накладывает свой отпечаток даже на самых богатых (и даже на самых сверхбогатых) людей. Мы не говорим, что она плохая – вовсе нет! В стране родной много потрясающих природных пейзажей и захватывающих дух далей. Но тепло, как таковое (вдобавок с теплым морем), мало где присутствует.

А поскольку тепла мало, наши люди (особенно с деньгами) вынуждены путешествовать, получая необходимый витамин D в более приспособленном для этого климате. Правда, много находится и таких, которым родная брюква с брусникой милее невиданных фруктов, а купание

в ледяной речке никогда не заменит самое ласковое море. Но все же в основной своей массе гражданам приятно понежиться где-нибудь на берегу теплого океана.

* * *

Вилла, которую Арсений Петрович выбрал для Степана, в реальности оказалась даже еще круче, чем в рекламном буклете. Ведь бумага – она и есть бумага, обеспечивает плоское необъемное изображение – хоть и глянцевое, а фотографии – маленькие и иногда даже сморщенные. Другое дело, когда стены, полы и потолки можно пощупать руками и оценить глазами богатство интерьеров.

Другое дело, когда можешь втянуть ноздрями (почти такими же большими, как у и гориллы) насыщенные запахи океана и тропических растений, организованно встроить органы чувств в систему «звуки прибоя – стрекотание цикад – вопли попугаев и райских птичек», почувствовать кожей ласковое прикосновение заходящего за горизонт южного солнца! Да – это совсем другое дело. И невольно хочется всплакнуть от умиления и от осознания собственной крутизны – и от способности оплатить все это великолепие сразу за два года вперед.

Лежу на пляжу я и млею,
И денег своих не жалею,
И видится мне, что я крут –
Почти как в свое время римский Брут! (ну, или что-то наподобие того)

Арсений Петрович не зря (ох, совсем не зря) столь ответственно подошел к выбору недвижимости для сына на ближайшие два года. И срок был выбран неслучайно.

Можно, например, арендовать виллу на неделю, две, на месяц, на три месяца, на полгода, на год. С удлинением срока контракта помесечная стоимость оплаты будет уменьшаться – это прописная истина. Плохо одно – за два года недостойное жилище может так приесться, что уже и не захочешь в нем находиться. Следовательно, изначально правильно и единственно верно – предусмотреть все!

Арсений Петрович не просто выбрал виллу из буклета – он тщательно навел справки, затребовал подробный план дома (чертежи, как и положено), планы прилегающих строений и приусадебного участка. Далее он не поленился, связался со своими знакомыми из Лос-Анджелеса и попросил их съездить на виллу и прислать ему подробнейший отчет – со своими впечатлениями и соображениями. И только когда из Америки сообщили, что да, все в порядке – без подвоха, дал команду об оплате.

Кто-то может подумать, что Арсений Петрович сильно устал от проделанной такой грандиозной работы по маркетингу, изучению, определению и сбору информации – но это совсем не так. Напротив, он отдохнул (и телом, и душой), оторвался от насущных проблем в отечестве (как будто побывал в отпуске). Кроме того, Арсений Петрович (как уже было сказано выше) и сам планировал не раз приехать в гости к Степану – так что, можно утверждать, он постарался и для себя тоже.

«А что, – Арсений Петрович отдыхал в своем кабинете за чашкой кофе и уносился мыслями в будущее, – теперь уж сами обстоятельства вынуждают меня не реже, чем раз в три месяца, покидать пределы России. Причем, минимум недели на две. Выкрою, значит, четырнадцать дней, – и на рыбалочку на океан! Возьму с собой Степана, спиннинги, мужика на лодке – и ловить тунца! А заодно вводить наследника в курс дела помимо наживки».

Песок кругом,

И пляжи золотые все светом утренней зари освещены.
И я такой весь на рыбалке с катером совместно
Плыву себе по воле волн прибрежных.
Плыву комфортно, не сгибаясь под тяжестью раздумий грешных
О браконьерстве, о правах, о рыбных стаях и о вреде,
Который рыбе принесу свое рыбалкой.

Червя в достатке,
Удочки и спиннинг,
Все снасти должны,
И стоят хорошо в валюте местной –
И это, без сомненья, многое решит в сегодняшнем турне за рыбой.

Сам катерок пыхтит неспешно по мере сил,
А капитан – морское чудо,
В наколках синих с якорями во всех местах,
С русалками и рыбах на манжетах просоленного кителя из ткани хлопковой,
Но с добавлением вискозы, я уверен.

Моторчик – так себе, трудяга,
Но где же взять другой в такой дыре,
Как этот сонный остров на Карибах
С отелями из мрамора
И с добавлением янтаря из Польши,
Добытого в Калининграде стараниями вод балтийских?

Моторчик трудится, жужжит пчела пчелою,
И сонным шершнем,
И шмелем на пастбище тенистом
С овечками вдали и чабаном неподалёку в бурке,
Что от отца досталась по наследству.

Кинжал лежит, сверкая бликом света,
Работая препятствием волкам,
Которые замыслили отаре вред принести.

Кинжал – у мальчика,
У чабана, что в бурке,
Что сладко грезит о рыбалке на Карибах –
И на тунца, и рыбу-меч, и рыб, летающих вдали на крыльях быстро.

Но хватит о кинжале,
Оружие не может стать тем рычагом,
Которым можно сдвинуть мир –
Но лишь любовь.

Откуда мысль пришла сия мне в голову – в тумане подоплека.

Ведь мысли сонные витают незаметно,
И солнышко печет,
И ветерок, что гасит шум мотора трудяги-катерка,
И вопли капитана, что очень дорог бензин и fuel – что тоже самое,
но только, по-английски.

Шасть, мимо пролетел на крыльях жирный толстый рыб,
И я уверен, что именно он рыб, никак не рыба.
Уж больно толстый и уверенный в себе.
И нагло смотрит снизу вверх, сверкая чешуей на солнце,
Пытаясь пролететь чуть-чуть не милю разом, без посадки.

Уж скоро время наживить червя придет и ждать,
Когда удача, и задор, и радость жизни
Тунца или еще какую живность насадят на крючок шипастый мне.

Кэп смотрит зорко так глазами
С суровым прищуром из-под бровей густых,
Что выкрашены хной и представляют буйство красок в середине
океана,
И по контрасту не уступят глубокой синеве небес,
И солнцу в небе, и луне, что спряталась за горизонтом робко
И ночи ждет.

Кругом простор,
И дышится легко,
И легкие глотают воздух, что меха – насыщенно и плавно.
А вот в Москве или еще в какой столице какой-нибудь страны
Сейчас все бегают, скрипят зубами в пробках сумасшедших

И лета ждут, чтобы потом потеть.
А мне легко, свежо и радостно,
И думать хочется лишь только об одном –
О рыбе где-то там в глубинах океанских.

Вот катерок решил замедлить ход,
Команда «Стоп, машина!» отдана –
Как хорошо, что есть мотор на судне!
Ведь без мотора мне никак –
Пришлось бы веслами пытаться что-то делать,
Как будто бы я раб в цепях триремы римской
На нижней палубе с соседом устрашающего вида.

Приплыли,
Вдалеке средь волн мелькают тут и там прожорливые чайки,
Которые слывут у местных чем-то вроде птиц морских или еще
каких чудовищ –
Не понял точно, и уж не понять, конечно.

Язык аборигенов столь увесист,
Что знать не знаешь,
Хорошо ль здесь могут говорить на нашем языке с востока,
И не поймешь, о чем судачат, и о чем молчат серьезно.

Акцент такой, что хочется спросить –
Откуда ты, товарищ, и почему так говоришь со мною?
Уметь же нужно говорить с туристом так,
Чтоб понял, где еда, где соки свежих ягод, где двери на балкон,
И где подискутировать он сможет по душам с другими перед
сном и выпивкой полночной! С сигарами под музыку волшебной
флейты Моцарта и лютни знойной девы – что из местных.

Пора наживку насадить
И плавно так легко бросать уду в надежде клёва хищного,
И ждать тунца, чтобы потом обедом из него
И свежестью морского бриза насладиться!

Ура, клюет! Тянуть мне стоит, в палубу упершись,
Включив всю массу тела, мышц и руки сильные,
И пальцы, что легко подковы могут гнуть в дурмане силы
молодецкой приступа.

Тяну, тяну, вдруг хрусть,
И только лишь обрубок жалкий в моих руках,
И рыба с леской и крючком мне машет плавником,
В глубины увлекая то, что только лишь сейчас слыло вершиной
мысли инженерной
С гарантией на год и рыбу в полцентнера.

Была уда, и нет уды,
Но есть еще одна и спиннинг,
В конце концов, есть капитан,
Что тоже может послужить наживкою при случае серьезном.

Беру вторую, насадил кусочек мотыля,
И мяса козьего, и гречки на крючок – забросил.
Снасть хороша, попробовал –
Должна выдерживать слона на привязи,
Ну, или акулу с ликованием утробным пытающуюся съесть крючок
стальной
С наживкой вкусной, сочной.

Жду. Ждать пришлось недолго. Ура, клюет!
Тянуть мне стоит, всем весом в палубу ногами упираясь,
Включив работу мозга, мышц и руки сильные,
И пальцы, что легко подковы могут гнуть в дурмане силы
молодецкой приступа.

Тяну, тяну, вдруг хрусть, и только лишь обрубок жалкий в моих
руках,
И рыба с леской и крючком мне машет плавником,
В глубины увлекая то, что только лишь сейчас слыло вершиной
мысли инженерной
С гарантией на год и рыбу в полцентнера.

Была уда, и нет уды,
Но спиннинг есть и капитан,
Что, я уверен, мне сможет послужить наживкою при случае
серьезном.

Вот спиннинг – крепок и могуч.
В два пальца толщиной, из пластика,
И, говорят, убить им можно льва, ударив крепко в лоб с размаху.

Беру наживку, думаю, что капитан,
Конечно, должен быть вкусён,
И катер у него не сильно сложный,
И управлять им научиться будет мне легко совсем.

Пытаюсь насадить червя опять и мяса –
Но теперь ягненка, не козы –
И гречки нет, и проса – весь запас исчерпан.
Знать, рыба подлая в горячке боя всё смыла с палубы в пучины
океана!

Вот – насадил. Теперь забросить нужно,
И ждать, и думать, как с капитаном поступить,
Случись чего на море вдруг. Жду. Ждать пришлось не долго.

Ура, клюет! Тянуть мне стоит, всем весом в палубу ногами
упираясь,
Включив работу мозга, мышц и руки сильные,
И пальцы, что легко подковы могут гнуть в дурмане силы
молодецкой приступа.

Тяну, тяну, вдруг хрусть, и только лишь обрубок жалкий в моих
руках,
И рыба с леской и крючком мне машет плавником,
В глубины увлекая то, что только лишь сейчас слыло вершиной
мысли инженерной
С гарантией на год и рыбу в полцентнера.

Была уда, и нет уды, нет спиннинга,
Но капитан в запасе есть еще,
И пребывает он в сомнениях сильных по поводу своей судьбы.

Решение пришло –

Никак нельзя мне возвращаться в порт пустым без рыбы –
Ведь засмеют, и станет стыдно,
Поэтому я действовать намерен быстро,
Используя последний свой ресурс!

Я подойду, уже иду,
Вот подошел, рука – в кармане щупает –
Нащупала орудие торговли,
А капитан, бледнея, ждет, что будет дальше с ним,
Пыхтит, не зная прелестей рыбалки на живца!..

* * *

Все, улетаю! До свидания, страна песка и океана с волнами и
ветром на просторе.
С собой я увожу скелеты рыб,
Что пойманы в труде и мною.
Один – два метра, другой – лишь полтора длинною.

Мой верный капитан прощально машет мне – разбогател, служа
наживкою.
Упорно плыл, работая живцом, приманкою для рыбы,
Которую я бил с размаху черенками от уды и спиннинга из
пластика прям в темя,
Ловя на жадности съесть капитана,
Что плавал за бортом спокойно и трапа ждал,
Пока ему подам на палубу взобраться!

Глава третья. В один из дней

Наступили очередные выходные, которые, впрочем, не сильно отличались от будней. По крайней мере, для Степана не отличались.

Как обычно, он разлепил глаза где-то в районе десяти, завернулся в шелковый домашний халат и вышел на открытую веранду – проверить, все ли в Калифорнии нормально, не случилось ли за ночь каких-нибудь природных катаклизмов, и не сползло ли его статусное жилище прямиком в океан.

– Здравствуй, утро золотое! – Степан посмотрел на высокое синее (без единого облачка) небо и сладко потянулся. Залез в дежурный холодильник (прямо на веранде) и выудил высокий стакан с апельсиновым соком.

Специально к его пробуждению сок каждое утро готовила прислуга, и еще ни разу не случилось, чтобы Степан не обнаружил стакан на положенном месте в положенное время.

Кстати, она – прислуга – была выписана отцом Степана из Англии (муж и жена возрастом под пятьдесят). Потомственные британцы, они реально гордились, что имеют родословную, состоящую из гувернанток, мажордомов и управляющих хозяйством, длиной в пятьсот лет, и всем говорили, что они (их мастерство) присмотра за высокопоставленными особами никак не меньше, чем у дедушек и бабушек.

Вам не смешно? Нам, например, очень! Смешно насчет утверждения (на голубом глазу), что, дескать, англичане – свободолюбивая нация. Где, интересно, здесь свободолюбие, если на острове не зазорно (и даже часто приветствуется и поощряется) прислуживать из века в век членами одной и той же семьи?

Кто-то скажет, что быть слугой – это «свободный выбор свободных людей», но, конечно же, это не так. На самом деле ситуация примерно такая же, как и в Индии – бывшей британской колонии. Если суждено родиться человеком второго-третьего сорта, им и помрешь! И дергаться не стоит. Вот и приходится вольнолюбивым британцам рассказывать, как же это круто и почти престижно быть потомственным слугой, и собирать рекомендации и верительные грамоты, подтверждающие свое мастерство.

Впрочем, положив руку на сердце, скажем – высокие размышления о свободе-несвободе граждан отдельно взятого британского куска скалы в океане Степана не очень волновали. Вернее, совсем не волновали – почти как положение угнетенного афроафриканского народа где-нибудь в Свазиленде. Гораздо важнее, чтоб сок был на месте, апартаменты чтоб убирались регулярно, и его – Степана – одежда чтоб висела отутюженной в гардеробах или лежала (аналогично, отутюженной) в тумбочках.

Кстати (кто не в курсе, может взять на заметку) потомственные британские слуги обладают еще одним качеством, которое очень ценится у аристократии и денежных мешков со всего света. Они умеют поддерживать беседу почти на любые темы – чему их отдельно учат в «колледжах для слуг» – имеются и такие.

Представьте: хозяин пришел домой уставший, у него совершенно нет настроения, он никого не желает видеть, он хандрит и вот-вот скатится в состояние депрессии. Ему бы выпить хорошего виски или пусть пива (но тоже хорошего), но нет – он отказывается, мотивируя свой отказ тем, что может вконец спиться. И единственный способ облегчить его страдания – это высказаться, излить душу маленькому человечку, который никогда и ни за что не станет трезвонить направо-налево о проблемах хозяина – потому что иначе выгонят с работы с волчьим билетом.

А тут – под рукой британский слуга. Одновременно чопорный, всё понимающий, сопереживающий и ненавязчивый. И неважно, что внутри он ненавидит своего господина лютой ненавистью и всё бы отдал, чтобы оказаться на его месте – это совсем неважно! А важно то, что

слуга умеет слушать так, что хозяину нравится. И умеет время от времени вставлять красное словцо, фразу, одобренную жгучим мексиканским перцем (фигурально, конечно), или целый монолог, приправленный фирменным английским юмором. И приправленный по делу.

Разве можно ожидать, например, от филиппинок подобного к себе отношения? Подобного (почти дружеского и незлобивого общения)? Конечно, нет, поскольку филиппинки родеют перед господином, и слова доброго из них не вытянешь. А британцы отличаются безупречным выговором и ведут себя почти с достоинством – короче, идеальные собеседники за неимением других. Плюс, можно спокойно подучить правильный английский язык, а не пытаться слету совладать с американским гнусавым прононсом, от которого уши в трубочку сворачиваются.

Степан сел в шезлонг, закинул ногу на ногу и стал через трубочку медленно потягивать сок. Сок был холодным, сладким и буквально напитывал энергией после каждого глотка. Это тебе не пакетированная подделка из магазина, состоящая в лучшем случае из пюре, разведенного водой, и консервантов. Натуральный продукт имеет совсем другие свойства и ценится совсем по-другому.

Разрозненные мысли бродили у Степана в голове – он думал, чем бы скоротать день. Вариантов было несколько – от простейшего ничегонеделания до пешего похода на пикник – с корзинкой хлеба и барбекю, как и положено.

Ничегонеделание – масса преимуществ. Повалиться на диване вверх ногами, почитать что-нибудь (если возникнет желание), полистать местные журналы с голыми девками, включить ноутбук и срезаться в игрушку, пощелкать платные телевизионные каналы и выбрать программу для души и без рекламы. В парадигму «ничегонеделания» входят также купание в бассейне, сауна, физкультура в зале на третьем этаже виллы, игра в большой теннис или в гольф (но для гольфа нужно ехать в клуб) и вечерний танцпол на ближайшей дискотеке для крутых.

Барбекю – здоровый и модный способ убить свободное время. Очень приветствуется среди местной знати – особенно среди тех, кто любит пускать пыль в глаза народу. Дескать: «Вы не смотрите на мои деньги, неважно, что их столько, что вам и присниться не может – важно, что я такой же, как и вы, такой же: с двумя ногами, двумя руками и хожу пешком по холмам с дешевым мясным набором!»

– Нет! – Степан решительно качнул головой. – Принародный шашлык, барбекю-шмарбекю актуальны для калифорнийских политиканов, которые избирают, избираются и хотят быть непременно избранными. Для обыкновенного приезжего (русского и молодого) олигарха любовь местного охлоса также по барабану, как и любовь мошек из ближайшей эвкалиптовой рощи. Поэтому так и запишем: утро уикенда способствует расслабленности и не предполагает принятия резких решений.

Степан допил сок, отставил пустой стакан, поднялся с шезлонга и направился к бассейну с теплой прозрачной водой – нырнуть и проплыть пару-тройку раз туда-сюда – брассом и вольным стилем.

Бассейн на вилле был шикарным: пятнадцать метров в длину полукруглой формы, с откосами и мелями, на которых можно нежиться «а-ля морской котик» – и именно балдеть на отмелях Степан особенно любил. Он сбросил с плеч халат, прыгнул, рыбкой рассек воду и вынырнул на противоположной стороне возле бортика.

– Хорошо все-таки! Гораздо приятнее, чем в Питере! – Степан вспомнил, что на дворе – пятнадцатое марта, и представил, какая сейчас погода в северной столице России. Как минимум, мерзкий холодный весенний дождь, а то и вовсе – снег и лютый мороз. В Питере, кстати, мороз всегда лютый, потому что даже температура минус один – минус три воспринимается там, как в других регионах минус пятнадцать – минус двадцать. – По всему получается, что штаты гораздо приспособленнее к комфортной жизни, чем холодная родина.

Степан проследил взглядом, как вышколенный слуга-британец молча и быстро забрал пустой стакан из-под сока и уволок его в дом, и улыбнулся:

– В деньгах есть масса преимуществ. В смысле, не в деньгах, как таковых, исходя из определения, данного в экономической теории, а в большом количестве денег, если они имеются в наличии. Вот был бы я бедным, точно так же корячился бы и мыл пустые стаканы за кем-то, а не плавал бы в бассейне!

– Нет, деньги – это не «средство, выражающее ценности товарных ресурсов, участвующих в данное время в хозяйственной жизни общества, универсальное воплощение ценности в формах, соответствующих данному уровню товарных отношений», деньги – это безмерное, всепоглощающее счастье, которого лишено девяносто девять и девять процентов населения Земли.

Степан снова нырнул и снова проплыл всю длину бассейна целиком под водой.

– Чем я не человек-амфибия? – он посмотрел на пальцы рук и ног, представив на мгновение, что там выросли перепонки. – Типа, новый герой комиксов, столь любимых американцами! Кстати, а это мысль! Можно зарегистрировать новый персонаж и вывести на рынок «Мистера-рыбу», «Мистера-tritона», Мистера – черную жабу» и вперед – косить бабло механической косой!

Степан представил, как «рыбное» («tritонье» или «жабье») издание становится новым хитом среди помешанной на комиксах публики, нетривиальные персонажи с лапами постепенно захватывают умы и сердца недалеких граждан «самой свободной страны в мире», и через год его приглашает на CNN сама мадам Опфра Уинфри, и между ними завязывается примерное такой диалог:

– Здравствуй, мистер Надомников! Очень рада видеть тебя у себя!

– А уж как я рад, Опра, так и словами не передать!

– Что ж, отлично. Значит, наша радость взаимна, и поэтому мы можем прямо сейчас перейти к делу.

– Конечно, конечно, Опра, давай прямо сейчас, как ты и сказала, перейдем!

– Итак. Весь мир захватил твой захватывающий комикс-персонаж «Ластоногий окунь». Даже я не смогла устоять перед его обаянием и приобрела полную подписку журналов с похождениями «Окуня». Скажи, Степан – у вас там в России все такие страшные, как этот жуткий ластоногий злодей? Ты ведь прибыл к нам из России, верно? Настродался, наверное, настродался!

– Да, Опра, ты, конечно, права! В России – подлинный ужас. Но ты и понятия не имеешь, какой ужас! Даже в самых страшных снах невозможно ощутить столь страшного страха, коего можно натерпеться, прожив хотя бы один день в этой жестокой жуткой северной стране!

– Ну, ну, Степа! Не тяни, рассказывай все подробно – наши зрители уже изнывают от нетерпения.

– Так вот, ластоногий окунь – это не выдумка. Такие (и ему подобные) водятся в каждом русском водоеме, поэтому купаться там категорически запрещено. Окуни появились в результате мутации – несколько десятков лет назад тамошние коммунисты активно загрязняли окружающую среду радиоактивными отходами и выбросами химических комбинатов, и вот что в результате вышло.

– А скажи, Степа! В твоих комиксах ластоногие кровожадные убийцы могут менять физический размер своих тел по своему желанию, и поэтому они спокойно проникают в дома граждан через водопровод – сначала уменьшаясь до объема дождевой капли, потом – вырастая примерно до длины, ширины и высоты гигантского тунца (только с лапами). Массовка и приглашенные гости интересуются – правда ли, что именно так и ведут себя русские протоишны, ведут подло, коварно и совершенно человеконенавистнически?

– И даже еще хуже! Они проникают в дома честных обывателей не только через водопровод, но и через канализацию – иногда и с дождем. Ты, Опра, правильно сказала, что окуни могут уменьшаться до размеров капли. Сделав это, они с потоками воздуха поднимаются в небеса, а потом планируют прямо в спальни, забираются женищинам между ног и творят там (между ногами) жуткие дела.

– Ужас, форменный ужас! А если вместо женищин ластоногие окуни натываются на мужчин, что тогда происходит?

– Что, что! Форменное отгрызание мужского достоинства одним движением мощных челюстей!

– Страсть! Боже, какая страсть! – Опра инстинктивно закрывается руками, Степан сидит с торжествующим видом, из-за кулис выбегают переодетые окунями местные криминальные элементы и начинают бросаться на операторов и режиссера программы. Кругом визг и паника, Степан нарочито медленно покрывается чешуей, уменьшается в размерах и взмывает с потоками воздуха в облака. Успех, считай, ему обеспечен!

– Красота! – Степан громко фыркнул, засмеялся и полез из бассейна. – Особенно красива последняя сцена – такого фурора на телевидении у них еще не было. И, кстати, от мысли раскрутить Человека-амфибию я реально не отказываюсь, через пару лет вспомню о нем обязательно!

Он прошел внутрь виллы и встал под душ – смыть хлорированную воду бассейна прежде чем идти завтракать. Затем обтерся насухо, облачился в шорты до колен, рубашку-поло и последовал в обеденную залу. Разогретый завтрак уже стоял на столе, Степан привычно щелкнул пультом от телевизора, переключившись на новостной канал местного телевидения, и принялся уплетать вкусный английский пудинг.

Согласно телевизору, жизнь в Калифорнии текла своим чередом. Она целиком и полностью замыкалась на калифорнийских же проблемах, лишь изредка упоминая потуги федерального правительства и федеральных органов власти сделать чего-то там.

«Вчера в приватном концерт-холле Джона Клуни состоялся благотворительный вечер с участием звезд Голливуда и поп-знаменитостей.

Гости дегустировали новые парижские кулинарные веяния: омаров под клубничным соусом, экологически-пастеризованные трюфели и утку, фаршированную анчоусами (в свою очередь фаршированных мягкой карамелью от шефа Панадрополуса)».

«Вице-мэр Сакраменто выступил с претензиями к заместителю прокурора штата на предмет его очевидной предвзятости по делу строительной корпорации «Калвин и сыновья». Эта корпорация не только является влиятельным и очень ответственным застройщиком, но и ведет крупные социальные проекты – поддерживает фонды поддержки малоимущих, менеджирует природоохранные изыскания в штате, жертвует часть прибыли на исследования глубокого космоса и водных запасов, которых, как известно, не слишком много».

«Погода на сегодня и завтра ожидается замечательной. Светит солнышко, наружная температура позволяет сказать: «Выходите смело на прогулку и берите с собой детей и жену или мужа!», осадков, цунами и разрушительных смерчей не ожидается, словом – не уикенд, а концентрированная красота!»

«Из политических событий. Набирает обороты избирательная кампания. Состоялись дебаты между претендентами внутри консервативной и демократической партий, дебаты были зажигательными и совсем нескучными. Вскоре и нашему штату придется решить, кого делегировать на общегосударственный уровень – чтобы наш кандидат проявил себя во всей красе и с пользой для штата».

– Ну, разве это новости? – Степан пожал плечами и выключил телевизор. – Ни тебе взрывов домов от воспламенения газа, ни тебе аварий с многочисленными жертвами, ни тебе перечисления врагов, которые замышляют против отечества очередное коварство – скукота!

Немудрено, что от такого тоскливого новостного фона мозги аборигенов превращаются в кисель и не способны мыслить актуально и критически!

Степан не торопясь доел пудинг, закусил его свежей выпечкой с яблочным повидлом и под горячий утренний кофе решил ознакомиться с новостным мейнстримом в стране родной.

– Нужно же быть в курсе всех событий! – он включил подручный ноутбук (тот, что всегда под рукой) и зашел в Интернет. Разница во времени между Питером и Калифорнией – одиннадцать часов, так что сейчас на родине почти десять вечера. Итак, итоги дня:

«Коллекторов загонят в рамки»,
«Главы Забайкалья и Карелии получили по заслугам»,
«Маккартни дважды лишили вечеринки «Грэмми»,
«Студенты мира судят президента США»,
«Водочникам перекрыли кран»,
«Киев сам себе вредит колесами»,
«Водители готовятся сушить бензобаки»,
«СМИ: Меркель хочет и не может»,
«В Ярославле из-за взрыва рухнул подъезд жилого дома»,
«Землю захватят беспилотники и еда из 3D-принтеров»,
«Вскрылись интересные подробности о «даче Сердюкова»

– Вот это я понимаю! – Степан удовлетворенно откинулся на спинку высокого обеденного кресла (творения калифорнийских мебельных дизайнеров). – Сразу родиной запахло, и чувствуется жизненный напор и способность противостоять нехорошим новостям. Главное, мне здесь не расслабиться до такой степени, что по приезду домой не смогу в Интернет заглядывать – по причине вечного нервоза от заголовков.

Степан допил кофе и поднялся к себе наверх – на очередную веранду (только без выхода во двор и в бассейн).

– Ну и? – спросил он сам себя вслух. – Какое-таки решение на сегодня нужно считать правильным?

– А правильным будет вот что! – внезапно мелькнула идея. – Почему бы не попробовать прикинуться бедным и нищим и просто выбраться в город – прогуляться по местным помойкам – типа бесцельно? Вдруг, удастся познакомиться с кем-нибудь из местных и непринужденно поболтать? А что, это мысль!

Степан ощутил прилив внутреннего вдохновения – и было отчего. Скука иноземного существования иногда становилась непереносимой. Он здесь – словно дорогая птица в золоченой клетке гигантского объема: у него все есть, он может делать, что хочет, его жизни позавидует 99,9999 % населения земного шара, но чем заполнить перманентную пустоту в душе и невозможность поговорить по душам с близким человеком? Ничем! И без вариантов! Не с охраной же и не с британской прислугой пытаться найти общий язык!

– Все, решено! – Степан быстро скинул шорты, надел джинсы и недорогую (самую недорогую из тех, что смог отыскать в гардеробе) рубашку и понесся вниз по лестнице – к выходу с виллы. На полдороге он остановился, вернулся, вынул из тумбочки платиновую карточку VISA, сунул в ее задний карман джинсов (вместе с четырьмя сотнями долларов США двадцатками и десятками) и устремился к намеченной цели.

* * *

Собственно, до самого города еще предстояло добраться – вилла расположилась в пригороде, до центра, где есть чем заняться – километров пятнадцать, никак не меньше. Степан, кстати, до сих пор не знал точного расстояния до центра: на машине – минут десять небыстрым темпом, а вот сколько в километрах – да бог его знает!

Степан неторопливо шел к выходу, прикидывая, как он убедит охранников сегодня оставить его в одиночестве и не беспокоить своим назойливым присутствием.

Охранники свято чтит завет Арсения Петровича – а он гласил: «Его единственный наследник всегда и везде должен быть защищен. И если Арсений Петрович узнает, что кто-то из охраны манкирует своими обязанностями, не сносить бедолаге головы». И стоит заметить, что после островной эпопеи с Верой решимость охранить Степана от всякого сброда у Надомникова-старшего только усилилась.

– В кассу! – Степан вспомнил старенький анекдот из цикла про Владимира Ильича Ленина: «Скажу жене, что пошел к любовнице, любовнице скажу, что пошел к жене – а сам на сеновал: учиться, учиться и еще раз учиться!» – Вот и я сейчас: скажу одному охраннику, что поехал с другими, а другому – что поехал с первым. Или лучше поехал сразу с двумя! Короче, понятно.

Степан подошел к большим кованым воротам, преграждающим доступ во двор виллы, и решительно нажал на кнопку внутреннего интеркома:

– Слушаю босс! – динамик немедленно откликнулся.

– Антон, открой! Я уезжаю в город, со мной – Пестрый и Иван!

– Ясно, босс! – в голосе Антона послышались нотки сомнений. – Так они, вроде, никуда не выходили и не уезжали. В противном случае, я бы их видел!

– Они уже снаружи! – Степан скроил суровое лицо. – Хороша охрана, не в курсе, что по периметру творится! Ну, открывай быстро!

– Слушаюсь! – Антон отключился, створки ворот разошлись в сторону, выпуская Степана.

– Так-то лучше! – Степан вышел наружу и с интересом осмотрелся кругом. Он попытался представить, что чувствует шальной прохожий, случайно оказавшийся перед его виллой. Ощущение было, как надо. Жилище богача со всеми атрибутами, ломиться внутрь без приглашения – опасно для жизни.

Степан прошел по дороге до ближайшего поворота, стремясь как можно быстрее выбраться из зоны обзора видеокамер. До самой последней секунды он ожидал резких криков с той стороны забора, визга шин и появления за спиной почетного эскорта мордоворотов. Но не случилось.

Кстати, военная хитрость. Недавно, случайно оказавшись в здании бизнес-школы, Степан приобрел новую SIM-ку и вставил ее в новый телефон (и об этом не догадывалась ни одна живая душа). Именно этот телефон (с вбитыми уже в память контактами) он взял с собой – в случае необходимости он сможет связаться с кем нужно, но сам останется вне зоны досягаемости.

Минут через десять торопливой ходьбы Степан вышел на широкое шоссе, сориентировался и повернул в сторону города. Время от времени он вскидывал большой палец вверх в характерном американском жесте – типа, подвезите, кто может! Ему доставляло реальное удовольствие идти вот так – по виду, обыкновенный студент, МЧ, не обремененный заботами.

Рядом остановилась машина. За рулем сидела девушка (или молодая дама). Степан улыбнулся.

– Здравствуйте, добросите до города? – спросил он, максимально пытаясь говорить без акцента. По крайней мере, пытаясь уменьшить свой русский акцент, который, как утверждают янки, бьет им по ушам словно дубиной.

– Садись! – девушка указала на сидение рядом с собой. – Ты откуда, красавчик?

– Из Польши! – Степан не нашел ничего лучше, чем представиться поляком. Он решил, что в случае чего русская речь сойдет за польскую. Хотя, если бы у него было время подумать, он бы, наверное, выбрал чеха или словака. Беспроигрышно – ни один американец не сможет сказать, на каком языке говорят эти народы.

– Польша? – переспросила девушка. – Беженец? От войны спасаешься?

– Угу! – Степан утвердительно кивнул, еле сдерживая смех. Будучи в Питере, он был наслышан (и начитан) о том, насколько граждане США недалекие. Но истинное положение вещей с американским образованием и кругозором оказалось еще хуже. – Америка – самая лучшая страна в мире, приютила, обогрела, теперь учусь и скоро получу гражданство!

– Отлично! – девушка протянула ему руку. – Меня зовут Джулия. Я из «Гринписа». Волонтер, активист! Тебя как зовут?

– Симон! – Степан брякнул первое, пришедшее на ум. – Симон Шульц! Из Вроцлава.

– Вроцлав? – Джулия с трудом повторила незнакомое название. – Это город или деревня? Кстати, у вас там города есть? Польша – это ведь где-то в Азии?

– Не! – Степан отвернулся к окну, чтобы смахнуть слезы с глаз. Его натурально душил смех – так, что и говорить было тяжело. – В Европе, рядом с Россией.

– А ну тогда понятно! – Джулия нервно передернула плечами. – Понятно, почему у вас война. Россия – брр! Эти русские варвары только и делают, что убивают другие народы. До сих пор не пойму, почему наше правительство и наша армия не даст им по зубам. Заслуженно, я считаю!

Степан не ответил – он всеми силами боролся со смехом, и борьба требовала от него напряжения всех сил.

– Знаешь что! – через полминуты Джулия решила, что пауза в разговоре уж больно затянулась. – А давай сейчас поедem к нам, у нас заседание ячейки «Гринпис», и ты расскажешь девчонкам и парням, что на самом деле происходит в Польше. Расскажешь про кассетные бомбы, напалм и прочие зверства. Думаю, нам всем будет полезно узнать о европейских делах поподробнее! И, кстати, сделаю тебе комплимент – я именно так и представляла поляков! Ты красив, а они не могут быть некрасивыми – ведь их название произошло от красивого американского имени Пол. Пол Робертс, Пол Стендердсон, Пол Чуххонски! Правда, я права?

– Конечно! – Степан глубоко задышал, подавляя очередную смешинку, решившую проявить себя, и серьезно кивнул. – Название «Польша» довольно современное, и за образец мы взяли именно Пола! А откуда у тебя такие впечатляющие знания о нашей истории?

– О! – Джулия закатила глаза. – Я много читаю, увлекаюсь хорошей беллетристикой и, кроме того, я – отличница! И поэтому меня (после того, как я получу диплом) обязательно возьмут на высокооплачиваемую работу где-нибудь в городе. Эх, красота! Стану зарабатывать собственные деньги, слезу с шеи матери и отца – заведу личную кредитную историю, а после обязательно стану миллионером! Как Стив Джобс или Билл Гейтс! Похожа я на Билла Гейтса? – Джулия вплотную приблизила свое лицо к лицу Степана, дескать: «Посмотри!»

– Еще как! – Степан решил, что коль скоро его везут прямо по адресу, можно и подыграть водителю. К тому же это просто невежливо – рубить правду-матку: «Была бы похожа на Билла Гейтса, если бы не была такой глупой курицей!» – А давай перед твоим «Гринписом» заскочим куда-нибудь и выпьем по кофе?

– По кофе? – лицо девушки сразу стало мрачным, и она вновь вперила пристальный взгляд на дорогу. – А деньги у тебя есть? Или ты не в курсе, что в нашей стране каждый платит сам за себя?

– В курсе, в курсе! – Степан ничего другого и не ожидал. – Попечительская организация, которая меня здесь приняла, специально выделяет мне двадцать долларов на кофе каждый месяц. Чтобы не ущемлять мои права, как беженца. Вот на них и будем пировать!

– Т. е. ты меня приглашаешь? – Джулия мгновенно просветлела. – Ну, тогда совсем другое дело. И, кстати, а эта организация не доплачивает тебе за передвижение автостопом? А то мне пяти долларов не хватает, чтобы бензин до полного бака залить. Оплатишь?

* * *

Кафе, перед которым они остановились, называлось: «Боб Марли бухал здесь». По американской традиции, оно было совмещено с заправкой – и здесь же работник мог произвести мелкий ремонт авто (если сломалось).

Степан с Джулией уселись за столик у окна и заказали: она – двойной капучино, он – двойной американо. Степан с интересом осматривался. В подобных заведениях он еще никогда не был – судя по всему, здесь тусили местные неформалы, хиппи, панки и приверженцы нетрадиционных видов секса.

«Что подумают мои гориллы, если вдруг обнаружат, что я сидел в одной компании с голубыми? – Степан мысленно прикинул, какой может быть реакция охранников, и пришел к выводу, что ничего хорошего они не подумают. И обязательно кто-нибудь стуканет отцу, что наследник, вероятно, пошел по неправильному пути. – И интересно, что сейчас происходит на вилле?»

Он заерзал. Теперь, когда побег из-под охраны фактически удался, ему нужно предупредить, что с ним все в порядке, ему ничего не угрожает, и искать его не стоит. Степан решительно выдернул телефон из кармана и набрал номер – ответственного по караулу:

– Это я! – он говорил негромко и с мягкими интонациями (чтобы Джулия, сидевшая рядом, не заподозрила в нем начальника). – Пригласи-ка мне Андрея (начальник его личной охраны)!

Степан отвлекся и посмотрел на Джулию – у него возникли опасения, что она, услышав разговор на русском, мгновенно его раскусит. Но девушка лишь понимающе кивала – дескать: вот они поляки, и речь у них такая особенная.

– Алло, это Андрей! Слушаю! – Степан уловил весьма сильное облегчение в голосе начальника охраны – как будто тот только что вернулся к жизни, выйдя из комы.

– Привет! Что, прощелкали меня? Вернусь, еще устрою вам разбор полетов! Короче. Со мной все нормально, я на трубе, когда вы потребуетесь, позвоню!

Степан отключился и улыбнулся:

– Ребята знакомые переживают – что со мной? Мне кажется, зря беспокоятся, что может случиться в Америке? Цивилизованная страна, кругом полиция, и люди такие цивилизованные, все приветливые и вежливые! Так?

– Так! – Джулия важно кивнула, но ее лицо отразило сомнения. Кажется, она сильно сомневалась, что Америка – спокойна в криминальном плане. – А у вас в Польше кофе пьют?

– Конечно! У нас ведь его выращивают. Ты не поверишь – плантации кофейных зерен простираются от горизонта до горизонта, и, кстати, в Польше растет самый лучший купаж! Самый мягкий, самый насыщенный, а восемьдесят процентов готового кофе отправляется именно в США. Знаешь, как называется сорт, который ты сейчас пьешь?

– Нет! – Джулия вытаращила глаза и зачарованно уставилась на картонный стаканчик. – USA special?

– Точно! – Степан громко захлопал в ладоши, чем привлек внимание сидевших за соседним столиком неформалов, выраженных, как гамбургские петухи. Один из неформалов даже прокричал ему что-то, но Степан не понял. – Все плантации принадлежат американским компаниям, а местные жители вынуждены пахать на сборе кофе, начиная с двенадцати лет – по шесть дней в неделю с шести утра до девяти вечера!

– Какой ужас! – Джулия искренним жестом отвращения прижала ладони к лицу. – И ты тоже так много работал?

– Ну да! – Степан получал истинное удовольствие от разыгрываемого спектакля. Эти недалекие американцы – чистые лохи, их можно нагружать и нагружать, а они всё (любой бред)

примут за чистую монету. – Десять лет пахал – и даже потихоньку накопил себе на небольшой домик и отложил в банк целых семьсот долларов! А потом на нас напали поганые русские, плантации сожгли, банк разрушили авиабомбами – остался я без домика и без денег! Пришлось просить в США политического убежища! Вернее, не политического – а этого: убежища для беженцев!

Со стороны входа слышались громкие звуки. Степан обернулся. В кафе вломилось четверо хлопцев в кожаных косухах и с банданами на головах. На каждой из бандан красовался мелованный знак – череп, из глазниц выползают змеи.

– Черт! – тихо выругалась Джулия. – Кажется, у нас неприятности. Сиди тихо, не дергайся, я попытаюсь с ними договориться!

– Кто это? – Степан почувствовал вполне серьезную опасность и быстро сориентировался. – Какой адрес кафе?

Джулия продиктовала, Степан вновь вызвал Андрея и велел ему мухой (курьерским поездом, реактивным самолетом) хватать людей и лететь к нему. И чтоб прибыли не позже, чем через десять минут!

Хлопцы в банданах тем временем пошли по рядам. Джулия успела шепнуть Степану, что это местная банда байкеров – они иногда трясут неформалов на предмет *дани* – на колеса, на масла, на запасные цепи для своих мотоциклов. Судя по ее бледному лицу, участь быть ограбленным была весьма реальна.

– Сиди, не дергайся и молчи! – еще раз вполголоса выпалила она и улыбнулась подходящему быку в бандане. – Здравствуйте, ребята! Как жизнь?

По мнению Степана, рокеры были так себе – ни кожи, ни рожи. По сравнению с питерским криминалом – чисто дети, и морды такие круглые и упитанные. И во взгляде совсем отсутствует озверин. Но в руках и рокеров были биты, гаечные ключи, а один даже держал пистолет устрашающего размера.

– Нормально! – лениво протянул рокер и сплюнул на пол. – А ты все никак не уймешься, малышка – все водишь за собой каких-то убогих? И сколько раз тебе говорили – не приводи в наше кафе даунов, нет, никак не унимаешься! Непонятливая? Тогда гони бабло, если такая непонятливая!

– Да нет у меня денег! – Джулия громко шмыгнула носом и жалостливо посмотрела на Степана, ища поддержки (и, кстати, зачем ее – поддержку – искать, если она только что посоветовала Степану держать язык за зубами и не вмешиваться?) – Два бакса в кошельке, да и то – собиралась на них корм для кошки купить!

– Э, нет! – бык-рокер выразительно помахал битой в воздухе. – Коли сидите за кофе, значит, бабло имеется! У тебя или у твоего плюгавого педика!

– Э, э! Ты, жопа с ручкой! – Степан мгновенно вспыхнул, как порох, с грохотом отодвинул от себя стол и грудью пошел на рокера. – А ну-ка, сучонок, подскажи, что ты там вякнул!

Поскольку словарный запас английский слов у Степана был не настолько хорош, чтобы транслировать «сучонок» и «вякнул» на местный диалект, он органично и не задумываясь переключился на русский. Далее прозвучала еще более эмоционально наполненная словесная эскапада, смысл которой напрямую был уже совсем непереводим.

Рокер, не ожидавший такой реакции, отшатнулся, зацепил ногой стул, покачнулся и неловко сверзился на пол, одновременно выпуская битку из рук. Степан со всего размаха пнул его ногой по морде, подхватил битку и запустил ее в витринное стекло. Звон осколков, кажется, был слышен даже на Марсе – но зато само решение выскочить на улицу было правильным (через дверь никак не получится, поэтому через раму – самое оно).

Товарищи рокера на несколько мгновений оцепенели, а потом гурьбой бросились к незадачливому грабителю – убедиться, что с ним все нормально. А Степан был уже снаружи – он выиграл несколько драгоценных секунд, которых хватило, чтобы сориентироваться и рвануть

в сторону виллы, откуда вот-вот должно было прибыть подкрепление в виде охранников. Ему главное – добежать до дороги, а вдоль трассы – кучные зеленые насаждения, и в них можно затеряться.

Степан рассчитал все правильно – даже если местные хлопцы прямо сейчас заскочат на своих железных коней и рванут за ним, деревья и кусты не дадут рокерам спокойно его преследовать. Значит, рокерам придется спешиться – и еще неизвестно, спешатся они или нет.

В спину Степана неслись гневные крики, но выстрелов (как он опасался) не последовало. Все же рокеры были не настолько отмороженными, чтобы посреди белого дня и принародно палить по убегающему человеку – сто процентов умышленное убийство (электрический стул, смертельная инъекция или пожизненное заключение – в зависимости от штата).

Степан добежал до ближайших кустов и нырнул в зеленку. На расстоянии метров в пятнадцать от дороги он бросился на землю. Так его не было видно – пусть поищут! Даже если рокеры попытаются, пройдет еще несколько минут, которые могут оказаться для Степана спасительными.

Со стороны виллы тем временем нарастал звук автомобильных двигателей – как будто кто-то решил устроить гонки на спортивных карах. Но это были не гонки – три джипа с затонированными стеклами неслись с бешеной скоростью по указанному адресу. Андрей (начальник охраны) мобилизовал почти весь личный состав – как и положено, с оружием и в бронежилетах.

Степан, спрятавшись за пышнотелым колючим кустом, затаив дыхание, наблюдал, как процессия из джипов с ревом и визгом шин проследовала в сторону кафе, где и затормозила. Прямо на ходу из машин выскочили человек десять его отборных бойцов – с автоматическими винтовками наперевес. Бойцы ринулись внутрь – и оттуда немедленно раздались отборные громкие маты и вопли девушек.

– Вот бараны! – Степан ударил кулаком по земле. – Зачем в кафе-то ломиться, если рокеры – вот они! Уматывают от греха подальше!

И действительно – рокеры то ли догадались, что могут случиться проблемы, то ли просто подстраховались, но они быстренько запрыгнули на своих железных коней и рванули в сторону, противоположную той, откуда прибыл Андрей с подмогой.

– Ладно! Пора вмешаться! – Степан медленно поднялся, отряхнулся и (постоянно озираясь по сторонам – вдруг рокеры вернутся?) двинул к кафе. – Еще не хватало, чтобы прибывшая по экстренному вызову хозяина полиция сейчас положила всех мордой в грязь – типа, русские бандиты рэкетом честных американцев занимаются!

* * *

– Степан, мне нужно с тобой поговорить! – ровно через два часа после возвращения домой Степану позвонил Арсений Петрович. Голос Надомникова-старшего был мрачен: не было никакого сомнения, он знает, что произошло. – Ты можешь мне объяснить, что происходит, и почему тебя, дурака, потянуло на приключения?

– Ну, папа! – Степан пытался подобрать слова. Он чувствовал – отец прав, не следовало ему пренебрегать охраной. В свободной стране Америка иногда может случиться конфуз, и кто-то (даже среди белого дня) попытается тебя ограбить и даже подстрелить из револьвера. – Я же должен выходить в город, а не сидеть безвылазно! Я же не в тюрьме, в конце концов!

– Конечно! – Арсений Петрович еле сдерживался. – Кто тебе мешает? Но почему сбегать, почему менять номер телефона, у тебя что, не хватает мозгов относиться серьезно к собственной безопасности? А если бы тебя сегодня подрезали – или еще покруче? Ты хочешь, чтобы я тебя выдернул обратно в Питер с семейным волчьим билетом? И отлучил от бизнеса, как тупого дебила?

Степан молчал – он знал отца: лучше не спорить и дать тому выпустить пар. А уже потом попытаться прощупать почву для примирения.

– Ну? – наконец Арсений Петрович закончил возить Степана мордой по столу. – И что же тебе не хватает по жизни?..

Глава четвертая. Почти как при коммунизме – всякому по потребностям

После долгого и душевного разговора выяснилось, что для полного счастья Степану не хватает присутствия нескольких сексуальных молодых девушек в составе охраны. И лучше, чтобы она, охрана, разделялась ровно пополам: пятьдесят процентов – нимф и пятьдесят – мордоворотов. Нимфы будут обеспечивать душевность и привлекательность, мордовороты реализовывать на практике лозунг «Враг не пройдет»!»

– Т. е. тебе что, там девушки нужны? Типа эскорт? – как только Арсений Петрович осознал, в чем проблема Степана, он впал в ступор. – И ты решил для начала взбрыкнуть, а потом нагрузить отца?

– Ну, да! – Степан возмущенно фыркнул. – А к кому мне обращаться? Я же твой сын – не по борделям же мне бегать, чтобы местные ЦРУшники подловили меня там и шантажировали! Да еще в тюрьму потащат, чтобы семейный бизнес отжать. А без девушек я чувствую, как у меня мозги вскипают, и хочется рвать и метать. И совершить что-то страшное!

– Хорошо! – после длительного обдумывания сложившейся ситуации Арсений Петрович сдался. – Пришлю к тебе из Питера девушек-охранниц. Но содержание их – это твои проблемы. Я буду списывать с твоего личного счета, имей в виду. А подарки после постельных сцен или душевных разговоров – так и вообще оплачивай сам из денег на завтраки! У меня и у матери есть бюджет, согласованный на твою учебу – сейчас времена трудные, и выти из бюджета я тебе не позволю. Умей экономить, сын!

– И, кстати, ответь мне на вопрос! – в голосе Арсения Петровича зазвучали желчные нотки. – Зачем нужно было рвать с Верой? Чтобы вот так напрягать домочадцев? Чтобы родной отец тебе высокопоставленный эскорт с родины выписывал? А?

Степан молчал. Он не знал, что ответить. И особенно насчет Веры, образ которой (и так, и смяк, и частенько) всё норовил выскочить из подсознания.

* * *

Замена прибыла довольно скоро. Шесть девушек мускулистого телосложения – с цепкими взглядами профессионалов, со знанием английского языка и навыками личных охранников. Девушек звали: Ангелина, Анжела, Агафья, Альбина, Алена, Анастасия. Возможно, это были псевдонимы – хотя, с другой стороны, в заграничных паспортах значились именно такие имена (Степан лично проверил).

Андрей – начальник охраны – установил следующий график дежурств. По рабочим дням Степана будут сопровождать мужчины (до учебы и обратно), по выходным и праздничным – девушки. Если потребуется торжественный эскорт – сопровождение может быть смешанным, два на два.

Степан, понятное дело, не афишировал, почему произошла смена гендерного состава секьюрити. Он сослался на распоряжение отца, который, якобы, решил, что такая перестановка приведет к укреплению морального климата в коллективе и более совершенной производственной дисциплине. А то, понимаешь, прохлопали побег наследника за порог, и всё дело чуть не закончилось смертоубийством. Альтернатива – выгнать всех охранников взащей, но для начала пусть будет вот так!

Девушек расселили по казармам (домикам для прислуги), выдали им соответственные орудия труда – рации, пистолеты, приборы ночного видения, «срочные кнопки» и т. д. – и

жизнь пошла своим чередом. А Степан стал присматриваться и подбивать легкие клинья то к одной, то к другой, проверяя девушек на слабинку.

Его интересовал вопрос: знают ли они, что им поручено при случае развлечь наследника – чтобы тот не томился в одиночестве и не вынашивал мысль заволокать первую же попавшуюся свободную девушку в постель. По наблюдениям Степана выходило, что нет – не знают. Из чего следовало несколько выводов: отец-таки не хочет быть сводником, отец-таки снова ему – Степану – не слишком доверяет, отец-таки нисколько не шутил, когда говорил: если Степан сойдется с кем-нибудь из девушек, оплачивать соответствующие счета он будет из своего кармана.

Все эти соображения сильно охлаждали темперамент наследника. А еще Степан, избалованный женским вниманием, был не особенно впечатлен присланными девушками. В смысле, их каденцией (хотя «каденция» не имеет никакого отношения к «кондиции», но он выражался именно так). На вкус Степана и Ангелина, и Анжела, и Агафья, и Альбина, и Алена, и даже Анастасия были чересчур мужественными, накачанными и брутальными, что, конечно же, им шло, как профессионалам – но профессионализм с красотой и сексуальной привлекательностью нечасто ходят вместе.

Однако, как гласит народная мудрость – «На безрыбье и рак – рыба». Т. е. если нет альтернативы, приходится довольствоваться тем, что есть. Если дерябнуть немного виски вечером (и если у тебя вот уже несколько месяцев не было пары), то и в мастере спорта по бодибилдингу можно разглядеть чуткую женскую душу и серьезную сногшибательную привлекательность. Поэтому совсем немудрено, что через пару недель Степан начал замечать в каждой отдельной девушке красоту – и поскольку девушек было шесть, Степан видел шесть разных типов красоты. Встала проблема выбора. И проблема убеждения – каким образом затащить «красоту» в постель.

Пока Степан думал (да гадал, да не решался), непаханое поле для его мужских грез сократилось ровно на треть. Самые бойкие (Агафья и Альбина), не предупрежденные и никак не рассчитывающие на благосклонность охраняемого VIPа, закрутили амурные романы с двумя парнями из охраны. О чем Степану доложил Андрей (в его обязанности входило информирование работодателя о любых отношениях, процветающих в коллективе).

Степан воспринял новость весьма удрученно – Агафья ему уже нравилась (да и Альбина была ничего), но отбивать девушек у секьюрити – фи! Это очень низко! Так низко, что для его достоинства и осознания собственного положения – чересчур! Поэтому бог с ними. И, в конце концов, не жаловаться же отцу, что сына отца так подло кинули!

Степан представил, как воспримет его жалобы Арсений Петрович, и его передернуло. За последний год он и так опустился в глазах родителя – не хватало еще дать один лишний повод усомниться в его – Степана – адекватности. Тем более, даже за исключением Агафьи и Альбины пространство выбора оставалось все еще широким и вариативным.

Но, как часто бывает, с первой девушкой всё решилось само собой. Именно – бывает часто. Мы строим планы, обыгрываем ситуации, придумываем, что сказать (или, напротив, не сказать), и вдруг – раз, и что-то произошло! И все встало с ног на голову или с головы на ноги.

В один из вечеров Степан, пребывая в меланхолии, сидел на бортике бассейна и размышлял: «Если в бассейне развести золотых рыбок, купаться стало бы еще интереснее, чем без рыбок! С рыбками можно почувствовать себя в полноценном бескрайнем море без берегов – если закрыть глаза. А без рыбок – бассейн, он и есть бассейн, и вода в нем хлорированная!»

На дежурстве в личке (т. е. непосредственно присматривающей за персоной «Номер один») в тот вечер была Анастасия. Нужно сказать, она немного отличалась от других девушек – ее фигура была более изящной. И лицо не такое бульдожье, как у всех. Личиком Анастасия была похожа на Уму Турман в расцвете лет, а фигурой даже выгодно отличалась от

голливудской звезды (поскольку, ну какая фигура у Умы Турман – палка-копалка, она и есть палка-копалка!).

Согласно инструкции, Анастасия находилась неподалеку от Степана, готовая в случае чего прикрыть его своим девичьим телом от пуль потенциального киллера, и надо же так случиться – она слышала некие подозрительные звуки в саду, и звуки показались ей угрожающими.

«Что делать?» – вопрос почти такой же сакраментальный, как и: «Быть или не быть?», «А если быть, то кем?», «Кто виноват?». Считается, что подобные вопросы (дилеммы) неразрешимы в принципе, зато они – хороший раздражающий фактор для философов и мудрецов, которые могут вдоволь порассуждать насчет скоротечности и относительности бытия.

Также считается, что почти все известные миру серьезные научные фигуры (от Аристотеля и Спинозы до Менделеева и Эйнштейна), попадая в неприятную, непросчитанную заранее ситуацию, вскидывали руки вверх и громко вскрикивали: «Ага! А ведь я был прав! Сделать здесь ничего нельзя, поскольку законы природы запрещают делать!».

Отступление: и ведь серьезные научные фигуры были по-своему правы (хотя некоторые могут с ними не соглашаться): иногда в пределах разумной логики и разумной рациональной арифметики развития событий выхода нет. Но поскольку выход найти все же хочется – и гении, и обычные труженики повседневного труда пускаются на хитрость – прибегают к услугам иррационализма.

Представьте себя на месте Анастасии. Представили? Очень хорошо, театральности и вхождению в образ у Вас можно только поучиться! Вы наблюдаете за наследником, защищать жизнь и здоровье которого Вам поручено ценой собственной жизни и собственного здоровья, и обнаруживаете: наследник, возможно, под прицелом! Есть наличие посторонних звуков – звуки доносятся со стороны ограды! Что делать?

Что говорится в инструкции? «Увести охраняемый объект с линии огня, закрыть его своим телом (а еще лучше – каменной или бетонной стеной)». А еще лучше (тут уж мы добавляем от себя) – и телом, и стеной!

Наследник сидит на бортике бассейна и что-то бормочет себе под нос. До входа на виллу – добрые тридцать метров, их быстро не преодолеть. Поэтому какое решение? Правильно – схоронить наследника в бассейне, укрыв его голову и туловище за бортиком, обращенным фронтальной стороной (т. е. сухой своей стороной) к ограде. И для верности накрыть его своим телом. И для пущей верности – вызвать через рацию (которую постараться не замочить в воде) подмогу, и пусть подмога прочешет двор и прилегающий подлесок на предмет опасности!

Анастасия действовала молниеносно. Она ринулась к Степану, на ходу срывая с себя служебный комбинезон (оставаясь в одних тоненьких трусиках-стрингах и бюстгалтере). И опять же на ходу выкрикивая в рацию: «Код один! Всем бежать к бассейну!». Далее она силой спихнула ничего не подозревавшего Степана в воду (тот был в купальных шортах – ему разоблачаться не было никакой необходимости) и сама сиганула за ним.

Степан, неожиданно оказавшийся в воде, мгновенно запаниковал – и по такому случаю чуть было не захлебнулся. Но Анастасия уверенно и мягко успокоила наследника словами: «Осторожно, киллер вон там! Прячься за бортик! Я спасаю тебе жизнь!»

– Опасность! Подозрительные звуки! – коротко пояснила она дальше и приложила палец к губам Степана, показывая, что надо помолчать и прикинуться нестрашной и неинтересной водной черепашкой – или что-то типа того.

Степан нырнул, вынырнул, прислушался (он уже находился рядом с бортиком, и пуля снайпера с той стороны ему не грозила) – действительно, от растущих поблизости пальм исходило вполне различимое шуршание и подозрительное покрякивание – как если бы в киллеры наняли африканского негра с мачете, который специализируется на отрубании голов своим жертвам путем напрыга сверху с пальмовой ветки. Осознание смертельной опасности прямо

витало в воздухе, и Анастасия, понимая, что клиент может повести себя испуганно и нерационально, заграбастала Степана в свои объятия и крепко всем телом прижала к кафелю – чтоб не дергался!

Степан сразу ощутил всю силу объятий охранницы – девушка реально была очень сильна (хотя и не так сильна, как Ангелина, Анжела, Агафья, Альбина и Алена). Размер бицепса Анастасии был почти таким же, как и у самого Степана, а это, согласитесь, показатель (ведь Степан совсем не был недомерком, и сам себя считал вполне атлетически сложенным – и даже часто качал полноценное железо).

– Какие мощные женщины есть в моем окружении! – мелькнуло в голове Степана. – И выращены они не в сытой и благополучной (относительно, конечно, благополучной) Европе и Америке, а на родных просторах!

Мысль о женщинах пришлась кстати. Поскольку у Степана вот уже много недель не было никакого секса, она – мысль – быстро раздулась до размеров гигантского цепеллина и вытеснила страх.

Вместо того чтобы бояться неведомых калифорнийских киллеров, Степан почувствовал сильнейшее влечение к девушке рядом. И пусть Анастасия по телесной кондиции далека, например, от изящной Ким Бейсингер, но зато она мясная и осязаемая, а не задохлая плоская селедка (которая только и умеет, что греметь костями). И тем более, Анастасия рядом, а Ким Бейсингер – далеко, и неизвестно, жива ли она еще или уже давно скопытилась от старости.

Анастасия тем временем судорожно озиралась по сторонам – вот-вот должны были появиться охранники с огнеметами, и ей нужно продержаться еще совсем чуть-чуть! Время замедлилось – каждая секунда уплывала в небытие неохотно и нарочито медленно. И шум со стороны пальм все возрастал и возрастал.

Осознавая, что подмога может не успеть, Анастасия еще крепче прижалась к Степану (так крепко, как только могла) и вдруг неожиданно почувствовала, что наследник-то совсем не боится, а, кажется (нет, не кажется – так и есть!) готов заняться с ней чем-то приятным – причем прямо в бассейне. Это было так неожиданно и так странно, что Анастасия в ужасе отпрянула назад и погрузилась с головой воду, пытаясь решить, как ей реагировать. Впрочем, много времени на размышления ей не дали.

Охранники выскочили одновременно – двое бежали со стороны виллы, трое – с противоположной стороны сада, а остальные заходили со спины предполагаемого киллера. У всех в руках было оружие, пятеро образовали живой щит между Степаном и наемным убийцей, остальные бросились к деревьям – искать виновника всего переполоха. И-таки нашли. Виновником (виновницей) оказалась крупная обезьяна из породы орангутанов. Рыжая, глаза напуганные и слегка безумные.

Как только ее укромное местечко (а орангутаниха, судя по всему, собиралась вздремнуть в пальмовой кроне) было рассекречено, обезьяна немедленно стала издавать такие яростные и пронзительные звуки, что Анастасия была вынуждена заткнуть уши пальцами – чтобы не оглохнуть. А ведь она была метрах в двадцати от обезьяны! Можно представить, что чувствовали напарники девушки, находясь рядом с орангутанихой.

Потребовалось несколько минут, чтобы выгнать животное за забор, откуда оно явилось. Команда секьюрити действовала как одно целое – притащили капроновую сеть, поймали орангутаниху, да и выперли с глаз долой. Затем вынули босса из бассейна, завернули в мягкий халат и сопроводили в защищенные апартаменты – от греха подальше!

* * *

Оказавшись в привычной обстановке, Степан повелительным жестом отослал охранников подальше – всех, кроме Анастасии.

Анастасия не знала, что и думать. Будь на ее месте девушка из благородной семьи (дочка высокопоставленного дипломата, Достоевским увлеченная), она бы определила свое положение как: «Какой конфуз!», «Какой прононс!», «Боже, какой моветон!».

«Я пыталась его спасти, а не вызвать в нем направленную в мою сторону эрекцию!», – от таких мыслей у дочки высокопоставленного дипломата мог случиться нервный тик, усиленный осознанием нелепости происходящего. И действительно – ведь речь шла о важном – о жизни наследника, а всё в итоге свелось к ловле сетями обезьяны и... Здесь троеточие.

И искомое «И» может развернуться в любую сторону – начиная от строгого выговора с последующим увольнением с работы (и высылкой в Россию) и заканчивая непристойным предложением, которое в данном случае будет, наверное, лучшим выходом. Лучшим выходом – потому что если предположить первое (разборки), то Анастасия была наслышана о том, как быстро решаются подобные вопросы в семье Надомниковых. Например, ее запросто могут лишить лицензии охранника (не говоря уж о ругательном резюме!)

Подводя краткий итог – Анастасия выглядела очень смущенной, смущенно же вертела в руках рацию и смущенно сжимала подмышкой кобурку от пистолета (его еще, кстати, требовалось разобрать, как следует просушить и смазать – после купания в бассейне).

Что же касается Степана, то он сиял, как начищенный медный таз солнечным днем. И действительно – разве не сама судьба помогла ему определиться с выбором? Разве не сама судьба помогла ему безмолвно сообщить о тех высоких чувствах, что он испытывал к охранникам? Ну, пусть к одной охраннице – но это только если подходить формально и ангажировано. И разве не сама судьба позволяет ему сразу перейти от невысказанных слов к делу – тем более, Анастасия выглядит смущенной и обеспокоенной за свою судьбу! Это отдельная удача, что так все вышло: для него – для Степана – лишних расходов не предвидится!

– Пришло время нам поближе познакомиться! – Степан указал Анастасии на кресло. – Да не пугайся ты! – он подпустил в голос немного мягкости, потом чуть-чуть подумал, вынул из шкафа свой персональный халат и подал девушке. – Одевай смелее, замерзла, меня выручая, я же вижу!

Настя покорно закуталась в халат (она все еще была в трусиках, лифчике и с кобурой подмышкой), одновременно почувствовав облегчение. Да, она не была высокообразованной и чувствительной девушкой из семьи посла в Никарагуа, но практичным умом обладала – и ум мгновенно подсказал ей, что дело, судя по всему, движется в эрективном направлении. Говоря проще – к постели, где она будет либо отрабатывать повинность, либо зарабатывать будущие дивиденды. Здесь уж как фишка ляжет.

– А давай что-нибудь выпьем для сугрева! – следом за халатом Степан полез в бар и достал пару высоких бокалов, апельсиновый сок и бутылку рома «Baccardi Superior». – Вода в бассейне хоть и теплая, но профилактика легочных заболеваний еще никому не мешала.

Степан быстро намешал коктейль (сто миллилитров рома и двести – сока) и протянул Насте. Та приняла, при этом тихим голосом промяукав что-то о том, что она на работе. Степан улыбнулся, пожал плечами и вызвал Андрея. Сообщил ему, что сегодняшняя смена Анастасии закончена, она остается охранять его персону в его апартаментах, так что пусть Андрей подыщет замену. В общем, проблемы с отгулом были решены довольно быстро.

В качестве согревающего и расслабляющего средства лучше рома вряд ли что можно найти. Это вам скажет любой знаток. А если обратиться к знатоку за ворохом общих знаний о роме, мы немедленно узнаем, что:

Этот крепкий алкогольный напиток получается путем брожения и перегонки тростниковой патоки и сиропа, полученных в результате изготовления тростникового сахара. На выходе напиток имеет прозрачный цвет, а после выдержки в деревянных бочках приобретает янтарную окраску. Крепость напитка в зависимости от сорта может варьироваться от 40 до 75 процентов спирта в тротиловом эквиваленте.

Впервые ром был произведен в древнем Китае и в древней Индии более полутора тысяч лет назад, а англичане и испанцы начали его массово производить в 17 веке на Карибских островах. Вернее даже и не англичане, и не испанцы, а рабы – для собственного самоупотребления. Но, конечно, нам ром известен, как пиратский напиток – и пираты, и ром в нашем сознании неотделимы! И утверждение, что каждый, выпив изрядное количество рома, может почувствовать себя пиратом, имеет веское правдивое обоснование.

Ром – пират – пиратские вольности? Следите за логическим построением? Пиратские вольности – раскрепощенность – разогретые тела. Разогретые тела – взаимное притяжение – сильное взаимное притяжение (чему не мешает даже осознание, что секс – это процесс очищения перед боссом за грехи тяжкие).

С каждым глотком Анастасия все больше и больше распалась. И с каждым глотком Степан нравился ей все больше и больше. А что? Высок, статен, по-мужски привлекателен, не говоря уж о деньгах и прочих атрибутах. Кстати, атрибуты (как помнила Анастасия еще по бассейну) были у Степана очень даже увесистыми и совсем не маленькими, как иногда случается.

Степан тем временем пересадил Анастасию из кресла на диван, чтобы самому подсесть ближе. Атмосфера в помещении накалялась с каждой минутой, пропитывалась эротическим флером, перемежающимся смешными и острыми историями из жизни, которыми Степан потчевал девушку. И истории вскоре закончились, как и положено – бурным страстным финалом, в котором лица и персонажи были весьма искренни.

Глава пятая. Соло одного инструмента

В жизни, как известно, есть не только секс и сон, но и вещи намного более тривиальные. И даже в некоторой степени паскудные. Например, необходимость каждый божий день становиться к фрезерному станку – точить заготовки для токарных резцов. Чтобы потом на эти заготовки наклепали напайки, и заготовки превратились в полноценный промышленный инструмент.

Или, например, еще один вариант паскудства – шить семейные трусы для вольноопределяющихся. Вы знаете, кто такие вольноопределяющиеся?

«Вольноопределяющийся – нижний чин Российской Императорской армии и Флота, поступивший на военную службу добровольно и пользовавшийся определёнными льготами. В эпоху рекрутской повинности (до 1874 года) вольноопределяющимися назывались лица, добровольно поступившие на службу из податных сословий, не подлежащих рекрутскому набору (купцы, мещане и другие), или же лица из податных сословий, не подлежавшие набору лично».

Так вот, шить семейные трусы для вольноопределяющихся – то еще паскудство. Почти как учиться в экономической школе в Калифорнии.

Некоторые могут спросить: а почему именно «паскудство» – учиться? Ведь это круто, престижно – в конце концов, дорого! И поди попробуй еще заработай такие деньги, чтобы попасть туда!

Мы ответим: все относительно. Как скорость света – которая, как известно, и относительна, и абсолютна одновременно. В этом заключается парадокс: относительно и абсолютно учиться вроде хорошо, но на самом деле плохо.

Степан, не успев насладиться прелестями жизни и отдыха в признанной мировой курортной столице, коей является Калифорния, обнаружил (с понятным изумлением) – пришло время сдавать сессию и экзамены. А следовательно, нужно что-то делать и что-то учить.

Но это полбеда. Настоящая беда – в следующем: судя по слухам, которые распространялись в бизнес-школе, не было никаких шансов подкупить профессоров и сунуть им на лапу денег за будущую отличную отметку на экзамене. А папа – Арсений Петрович – никакой иной отметки не признает. Т. е., переводя все вышесказанное на русский язык: придется Степану тщательно готовиться к экзаменам!

И вот это была засада.

Сделав для себя такое открытие, Степан пришел в чрезвычайно сильное возбуждение, и его стали мучить мигрени. И ему даже пришлось обратиться за помощью к дорожному местному врачебному эскулапу, чтобы тот помог Степану прийти в нормальное состояние.

Эскулап (с ухоженной бородкой, в дорогом золотом пенсне и с именным стетоскопом) выслушал Степана, прочмокал что-то задумчиво и разом выписал такое внушительное количество лекарств, что им можно было вылечить целый взвод спецназовцев, съехавших крышей после кровавой мясорубки где-нибудь в Сомали. Далее эскулап выписал чек и отбыл.

А Степан посмотрел на сумму чека и натурально обалдел. Если бы он знал, что обследование обойдется так дорого, он бы лучше впал в трехдневный запой и вышел бы оттуда заново родившимся! И без всякого лечения – и обошлось бы раз в тридцать дешевле! А на оставшиеся деньги можно было бы подвесить эскулапа за причинные места и мучить – пока не поймет, что так наживаться на здоровье нельзя.

Но деньги, конечно, пришлось отдать. Однако определенные выводы Степан сделал. Они были болезненны и очень уязвляли его самолюбие, но ему пришлось-таки смириться и взяться за учебу всерьез. Потому что выводы гласили: если он не хочет окончательно вывести отца из себя, и если он все еще претендует на нормальное к себе отношение с точки зрения семьи, он должен сдать ближайшую сессию! Сдать в срок, и чтобы родители им гордились.

При очередном посещении бизнес-школы Степан тщательно изучил программу экзаменов – и вот что он узнал.

Ему придется сдать:

Экономическую теорию от А до Я (В американском варианте «from A to Z»),

Основы финансового и бухгалтерского учета. Основы GAAP (американской системы учета),

Теорию инвестиций и базовые принципы инвестиций же,

Теорию сетевого маркетинга,

Корпоративные коммуникации.

От увиденного у Степана глаза полезли на лоб – особенно после того, как он заказал (и ему доставили на дом) учебники и дополнительные материалы по вышеозначенным дисциплинам.

На пять предметов – двадцать учебников! И все – на английском языке, и часть терминов совершенно непонятны. Надо срочно что-то придумывать, но как справиться с таким массивом знаний? Ответ – никак!

Имели право на жизнь и всякие левые варианты – например, заплатить денег и послать вместо себя на экзамены какого-нибудь местного ботаника. Но, скорее всего, это не прокатит – наверняка, фейс Степана знаком всем и каждому, а найти ботаника-двойника – очень и очень сложно. Хотя, это идея.

Еще вариант – экстренно нанять кучу преподавателей, и они должны в кратчайшие сроки натаскать Степана по всем предметам. Но время! Времени нет вообще, и даже с репетиторами усвоить материал за оставшийся срок не получится. Кроме того, дорого, и до отца обязательно дойдут слухи, что у наследника – аврал. И отец обязательно спросит: а чем Степан занимался целый семестр?

Такая печальная дилемма.

Положение неожиданно спас Андрей – начальник охраны. Согласно своим должностным обязанностям, он еще несколько месяцев назад тщательно изучил план бизнес-школы, знал ее территорию, как свои пять пальцев, расположение кампусов, учебных корпусов, ресторанов быстрого питания и т. д. И он же подсказал Степану: официально в школе действует кафедра по подготовке к экзаменам, «на какой бы стадии изучения предмета Вы не находились». Кафедра занимает отдельное здание и, по данным Андрея, пользуется очень высокой популярностью у завзятых лоботрясов, и, может быть, Степану нужно ее навестить. Вдруг помогут?

Степан не медлил ни секунды. Быстро собрал выезд и рванул в бизнес-школу. На кафедре «Помощи по сдаче экзаменов» его встретили с распростертыми объятиями.

Разговор строился примерно таким образом:

– Ну-с, молодой богатый господин! – на Степана из-под стекла моногля, вставленного в правый глаз, смотрел доброжелательный профессор. – У Вас, я вижу, есть проблемы со сдачей экзаменов?

– Ну, да! – Степан сел на предложенное кресло и уверенно повел разговор. – Именно проблемы. Видите ли, я с детства стремился к знаниям, но в связи с перенесенной болезнью страдаю отсутствием длинной памяти. Т. е. то, что было вчера, помню, а то, что месяц назад, уже не помню. Но это факт, конечно, никак не отменяет моего стремления к знаниям.

– Понимаю, понимаю! – профессор сделал сочувствующее лицо. – Вы – не хуже, чем все остальные, и ведь болезнь и последующее разрушение памяти – не Ваша вина! Верно? С каждым может случиться!

– Вы правы, профессор! – Степан важно кивнул. – Но я нашел способ: я тщательно записываю знания в тетради, веду конспекты, и если мне нужно свериться с какой-либо информацией, просто обращаюсь к конспектам. Это ведь не преступление? И я прошу от Вас содействия и понимания!

– Какого содействия? – профессор театрально и порывисто вырвал монокль из глаза и принялся протирать его мягкой тряпочкой. – Моральную помощь я оказать могу прямо сейчас, а что касается всего остального – здесь нужно отдельно договариваться. У нас есть несколько вариантов – специально для людей, перенесших заболевания или страдающих от врожденных пороков. Например, мы можем пустить Вас по программе добровольного спонсорства – вы ведь можете сделать пожертвования в фонд развития школы?

– Могу! – Степан быстро согласился. – Мною не отрицается и персональное вознаграждение – для особо хороших людей! Все зависит от конечного результата экзаменов.

– Прекрасно! – профессор с чувством пожал руку Степана. – Давайте быстренько пробежимся по пунктам анкеты: какие оценки, какие отзывы Вас интересуют...

* * *

Вам интересно, как выглядит фраза «Папа, дай денег!» на некоторых мировых языках?

По-английски: Dad, give me some money!

По-французски: Papa, donne de l'argent!

По-немецки: Papa, gib mir Geld!

По-итальянски: Papà, dammi i soldi!

По-испански: Papá, dame dinero!

По-китайски: ##, #####

По-португальски: Pai, dai dinheiro!

По-арабски: المال بي أعطني بعض!

По-голландски: Vader, geef me wat geld!

На латыни: Pater, da mihi pecuniam!

По-гречески: Πατέρα, δώσε μου λεφτά!

На монгольском: Аав аа, надад өгч, зарим нь мөнгө!

На фарси: بابا به من مقداری پو!

По-турецки: Baba, bana para ver.

По-японски: #####

Наконец, на урду: والد صاحب، مجھے کچھ پیسے!

Сложнее всего просить денег по-японски. Эти жуткие иероглифы пока произнесешь, либо мозги окончательно вывернуться наизнанку, либо язык сломается – несмотря на то, что подвижный и приспособленный. Зато, например, по-турецки – легко и просто: «Баба, бана пара вер!». Или по-немецки. И заметьте, слово «деньги» – Geld немцы пишут с придыханием – с большой буквы! Везде с маленькой, а они с большой! Каково? И мы бы уличили их в чрезмерной жадности, скаредности и корыстолюбии (а также в поклонении золотому тельцу), если бы не одно смягчающее обстоятельство: они все существительные пишут с большой буквы. Не знаем почему (может быть, боятся забыть или перепутать с глаголами и прилагательными), но факт. Впрочем, это их несколько не оправдывает и не делает менее охочими до золотишка, ценных бумаг, финансовых деривативов и просто чистогана – очищенного от налогов и выведенного в оффшорные зоны.

Кстати, по-русски денег просить тоже несложно: «Папа, дай денег!» – и все дела! Именно с такой незамысловатой фразы Степан и начал разговор с отцом – на предмет оплаты помощи благожелательного профессора в вопросе сдачи экзаменов. И здесь его ошибка – не подумал, с кем имеет дело!

Поставьте себя на место олигарха, который тяжким трудом, воровством, подкупом чиновников, бандитским беспределом, отжимом имущества, многочисленными связями с кри-

минальными авторитетами и прочими тому подобными ухищрениями достиг уровня миллиард долларов (и даже выше). Что он больше всего ненавидит и от чего больше всего напрягается? От того, что кто-то покушается на его деньги или просит их даром! Типа: «Папа, дай денег!»

– А вот и шиш тебе, кто бы ты ни был! А если и дам, то только после внятного изложения причин: почему я должен их давать, куда делись те деньги, которые я тебе уже дал, и кто ответит за столь подлое их нецелевое использование? – мы поставили себя на место олигарха, и именно такие эмоции предложение безвозмездно поделиться деньгами в нас вызвало. И ничего другого, заметьте, и не могло случиться, поскольку как это: «Дай денег!»?

Арсений Петрович (как мы дальновидно предполагали) на невинную просьбу сына дать денеготреагировал весьма болезненно. Узнав же, на что именно Степану срочно нужны деньги (да еще в таком количестве), пришел в ярость, свойственную свирепому уссурийскому тигру. Или какой-нибудь другой большой пятнистой кошке.

Оказалось, что его замечательный сын и единственный наследник империи Надомниковых целый учебный семестр ничего не делал, бездельничал, ловил мух, барствовал, вертопрашничал, разгильдяйничал, сачковал, прохлаждался, болтался, считал галок, пальцем не двинул, балдел, шлендал, лындил, кочемарил, мух не ловил – не ловил вообще. И это притом, что все условия для нормальной учебы ему были обеспечены, включая секс-разрядку и бытовое обслуживание по высшему классу. Выходило, что его Степан, его надежда и опора – самый настоящий инфантильный болван, который не способен приложить даже грамм усилий при случае! А ведь еще совсем недавно все было по-другому.

Итак, минут десять Арсений Петрович орал в телефонную трубку – в отборных выражениях описывая все, что думает. Думы его были мрачны – факт.

Затем гнев Надомникова-старшего потихоньку стал остывать, обнажая неприглядную картину: дорогая, престижная учеба сына (и дорогой престижный диплом) находятся под угрозой облома – уже в самом ближайшем будущем. И надо с этим что-то делать! Хочешь – не хочешь, против ты или не против, но допустить, чтобы Степан, полгода проведя в Америке, вернулся не солоно хлебавши, невозможно. Слишком велики репутационные и финансовые убытки.

Арсений Петрович взял паузу и уведомил сына, что перезвонит ему позже. Сразу после разговора, чтобы выпустить пар и вернуть хоть толику утреннего хорошего расположения духа, он швырнул дорожный «Айфон» в стену. Промазал – попал в окно, окно осыпалось на пол с жутким хрустом, телефон вылетел наружу и чуть не убил стоящую неподалеку Галину Французовну, которая как раз вышла прогуляться и посмотреть на солнышко.

Галина Французовна ринулась обратно внутрь, влетела в апартаменты мужа и немедленно потребовала отчета, что происходит, и как лично ей реагировать. Ну, а Арсений Петрович, конечно, не стал ничего скрывать (у него вообще от жены почти не было секретов). Слово за слово, фраза за фразой – постепенно вникнув, что вывело супруга из себя, Галина Французовна энергично взялась приводить его в адекватное душевное состояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.